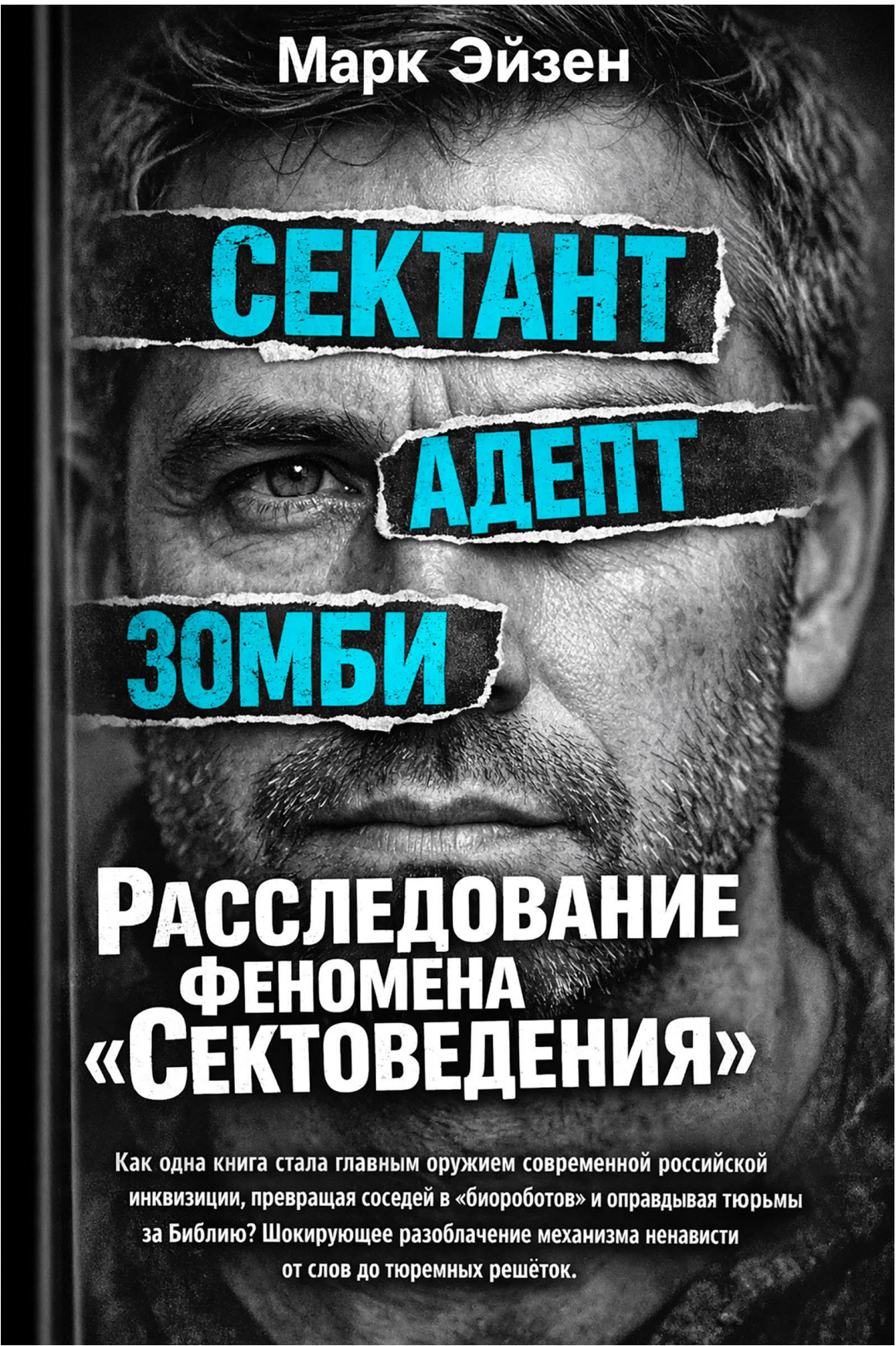

Марк Эйзен

СЕКТАНТ

АДЕПТ

ЗОМБИ

**РАССЛЕДОВАНИЕ
ФЕНОМЕНА
«СЕКТОВЕДЕНИЯ»**

Как одна книга стала главным оружием современной российской инквизиции, превращая соседей в «биороботов» и оправдывая тюрьмы за Библию? Шокирующее разоблачение механизма ненависти от слов до тюремных решёток.

**Расследование
феномена
«Сектоведения»**

Марк Эйзен

Оглавление

Пролог

Глава 1: Лингвистическая инквизиция

Глава 2: Образ врага — метафоры войны и хаоса

Глава 3: Идеология исключительности

Глава 4: Психологическая манипуляция страхом

Глава 5: Социальное клеймо — от «изгоев» до «рабов»

Глава 6: Юридический вердикт — вне закона?

Глава 7: Границы слова и последствия ненависти

Источники

Пролог

На столе судьи лежит книга.

Она выглядит безобидно, почти академично. Твердый переплет, сдержанная типографика, название, обещающее погружение в социологию или религиоведение. В тишине зала судебных заседаний, прерываемой лишь шелестом страниц и сухим кашлем секретаря, этот предмет кажется чужеродным элементом среди томов уголовного дела, протоколов обысков и вещественных доказательств. Но именно этот предмет здесь главный.

Не подсудимый, сидящий в стеклянной камере — пожилой мужчина, всю жизнь проработавший инженером, а теперь обвиняемый в экстремизме за чтение Библии с друзьями. Не прокурор, монотонно зачитывающий обвинительное заключение, сотканное из шаблонных фраз. И даже не судья, чье лицо выражает усталую решимость закончить процесс до обеда.

Главный здесь — текст, лежащий на столе.

Это не просто книга. Это инструкция по расчеловечиванию. В ней нет отпечатков пальцев на спусковом крючке, но именно она заряжает оружие, которое выстрелит позже — в момент штурма квартиры спецназом, в момент, когда у матери отберут ребенка, или в момент, когда подросток, начитавшийся форумов, возьмет в руки винтовку и пойдет в школу.

Мы привыкли думать, что репрессии начинаются с приказа, подписанного генералом или министром. История учит нас другому: репрессии начинаются со слова. Сначала появляется термин. Ярлык. Клеймо. Оно приклеивается к группе людей, отделяя их от «нормального» общества невидимой, но непроницаемой стеной. Вчера это был сосед, коллега, врач, учитель. Сегодня он — «сектант», «адепт», «зомби». Существо второго сорта. *Homo Jehovisticum*. Биологический объект, подлежащий изоляции или ликвидации.

Книга на столе судьи — это «Сектоведение». Для миллионов верующих в России и за ее пределами это название стало синонимом приговора.

Как это произошло? Как сборник лекций, прочитанных бывшим эмигрантом с сомнительным образованием и еще более сомнительной биографией,

превратился в фундамент судебной системы огромной страны? Каким образом частное мнение одного человека, не подтвержденное ни научными степенями, ни рецензируемыми исследованиями, стало весомее Конституции и международных конвенций по правам человека?

Это расследование не о религии. Мы не будем спорить о догматах или искать истину в священных текстах. Нас интересует механика ненависти. Мы разберем этот механизм на детали, чтобы понять, как он работает. Мы проследим путь от кафедры церковного университета до кабинета следователя ФСБ. Мы увидим, как лингвистические конструкции превращаются в тюремные сроки.

Мы увидим, как создается «экспертиза», в которой нет ни грамма науки, но есть тонны идеологического заказа. Мы заглянем в глаза тем, кто называет себя «сектоведами», и увидим там не исследовательский интерес, а холодный блеск инквизиторского костра.

В этом зале суда, где решается судьба человека, незримо присутствуют тени прошлого. Тени тех, кто в 1930-х годах в Германии тоже писал книги о «вредных элементах», угрожающих чистоте нации. Риторика, звучащая со страниц лежащей на столе книги, пугающе узнаваема. Те же метафоры болезни, те же призывы к «хирургическому вмешательству», та же абсолютная уверенность в своем праве решать, кому жить, а кому исчезнуть.

Судья открывает книгу. Закладка лежит на странице с определением «тоталитарная секта». Через час будет вынесен приговор. Но преступление было совершено гораздо раньше — в тот момент, когда этот текст был написан, напечатан и объявлен истиной в последней инстанции.

Это расследование — попытка остановить конвейер, который перемалывает людей, используя бумагу и чернила вместо стали и свинца. Потому что, когда слова заканчиваются, начинается кровь. И эта кровь уже пролилась.

Глава 1: Лингвистическая ИНКВИЗИЦИЯ

Любое преступление начинается задолго до того, как совершается физическое действие. Оно начинается в голове, в тот момент, когда один человек решает, что другой человек — не совсем такой же, как он. Что он хуже, опаснее, ниже. Но чтобы эта мысль укоренилась и стала руководством к действию для миллионов, нужен посредник. Нужен язык.

История человечества знает множество примеров того, как лингвистика становилась служанкой террора. Прежде чем отправить людей в лагеря или гетто, их нужно было переименовать. Лишить имени и присвоить номер. Лишить статуса гражданина и присвоить статус «элемента». Лишить человеческого облика и присвоить биологическую классификацию вредителя.

Когда мы открываем книгу «Сектоведение», лежащую в основе современной российской инквизиции, мы попадаем не в мир теологии или социологии. Мы попадаем в лабораторию по производству смыслов, где слова препарируются, лишаются своего истинного значения и наполняются ядом. Это не научный труд. Это лингвистическое оружие, замаскированное под учебное пособие.

Фантом в законе: Рождение «Тоталитарной секты»

В начале было слово, и слово это было — «секта». Однако для целей автора этого было недостаточно. Слово «секта» в русском языке, безусловно, имеет негативный оттенок, ассоциируясь с чем-то закрытым, отколовшимся и, возможно, еретическим. Но оно все еще оставалось в поле религиозной полемики. Ересь — это церковное понятие, а не уголовное. Чтобы превратить оппонента в преступника, нужно было перевести дискурс из плоскости духовной в плоскость политическую и криминальную.

Именно так в 1993 году в российский публичный оборот вошло словосочетание «тоталитарная секта».

Александр Дворкин, который, по данным ряда источников, не имеет академического образования именно в области светского религиоведения, совершил лингвистический ход, последствия которого мы обсуждаем десятилетиями. Он взял политический термин «тоталитаризм», описывающий жестокие государственные режимы XX века (гитлеровскую Германию, сталинский СССР), и приварил его к религиозному понятию «секта».

Что происходит в сознании читателя, когда он видит это словосочетание? Срабатывает ассоциативный ряд, заложенный школьными учебниками истории и генетической памятью поколений. «Тоталитарный» — это колючая проволока, вышки с пулеметами, концлагеря, подавление воли, пытки, отсутствие свободы.

Доктор философских наук, профессор МГУ И.Я. Кантеров, один из авторитетнейших религиоведов, точно подметил механизм этой манипуляции:

«Переноса зловещий, пугающий смысл термина «тоталитарный» на область религии, создатели конструкции «тоталитарная секта» рассчитывают таким способом существенно усилить обличительный заряд имеющихся определений... Именно по причине «узнаваемости» термина «тоталитарный»... и закрепилось употребление этого очень «нехорошего» термина к новым религиозным образованиям».

Парадокс заключается в том, что в федеральном законодательстве РФ нет легального определения «тоталитарной секты». Вы не найдете его как определённого юридического термина ни в Конституция Российской Федерации, ни в Гражданский кодекс РФ, ни в законе «О свободе совести». Это юридический фантом. Но этот фантом обладает вполне реальной разрушительной силой.

В книге «Сектоведение» этот термин используется как аксиома. Автор не доказывает тоталитарность той или иной группы через социологические исследования или анализ внутренней структуры. Он просто *называет* её так. И этого оказывается достаточно. В лингвистике это называется перформативным актом: само название создает реальность. Если авторитетный источник (а книга позиционируется как учебник для вузов) называет группу «тоталитарной», то бремя доказательства обратного ложится на саму группу. Но как можно доказать, что ты не верблюд, если зоолог уже выписал справку о наличии горбов, даже если их никто не видит?

Кирилл Товбин, исследователь и публицист, отмечает гениальную в своей циничности универсальность этого изобретения:

«Дворкин создал универсальное пугало, с помощью которого можно устранять практически всех критиков современной властной системы в России, будь то религиозное или нерелигиозное движение... Дворкин очень остроумно, я бы даже сказал, талантливо говорит о коммерческих культах, говорит о Herbalife, говоря о пылесосах Kirby...».

Термин стал резиновым. Под определение «тоталитарная секта» в книге подгоняется всё: от пятидесятников и кришнаитов до сетевого маркетинга и курсов личностного роста. Критерии размыты настолько, что любой коллектив, имеющий лидера, устав и дисциплину, может быть подведен под эту статью. Любая корпорация, любая политическая партия, любая армейская часть и, иронично, любой монастырь идеально вписываются в признаки «тоталитарной секты», если применять их так, как это делает автор «Сектоведения».

Но цель книги — не научная классификация. Цель — создание презумпции виновности. Как только ярлык наклеен, объект выводится из зоны действия обычных законов и моральных норм. С «тоталитарной сектой» нельзя вести диалог. Её нельзя терпеть. Её можно только уничтожить.

Псевдонаучная мимикрия: *Homo Jehovisticum*

Если термин «тоталитарная секта» апеллирует к политическому страху, то следующий уровень лингвистической атаки задействует авторитет естественных наук и медицины. Автор книги прекрасно понимает: в современном мире наука — это новая религия. Чтобы тебе поверили, нужно говорить на языке, похожем на научный. Нужно использовать латынь.

Один из самых вопиющих примеров дегуманизации в тексте — введение неологизма *homo jehovisticum* («человек иеговистский»).

Давайте остановимся и проанализируем этот конструкт. Латынь традиционно используется в биологии для классификации видов животных и растений. *Homo sapiens*. *Homo erectus*. Используя эту формулу, автор выводит членов религиозной организации «Свидетели Иеговы» за пределы человеческого рода. Он создает для

них отдельную таксономическую нишу. Это уже не люди в полном смысле этого слова. Это особый подвид, мутанты, результат селекции.

В тексте книги это описывается с нескрываемым отвращением:

«...создаёт своего собственного человека... *homo jehovisticum*... говорящего на уродливо-усреднённом языке, читающего усреднённо-жвачную печатную продукцию...»

Обратите внимание на лексику. «Уродливо-усреднённый», «жвачная продукция». Это не термины религиоведения. Это лексика физиологического отвращения. Слово «жвачный» отсылает нас к парнокопытным, к скоту. Верующий здесь представлен как животное, которое бездумно пережевывает то, что ему дают. У него нет разума, нет воли, есть только рефлекс.

Это классический прием дегуманизации, известный психолингвистам. Чтобы оправдать насилие над группой людей, нужно сначала лишить их человеческих черт. Трудно ударить человека, который молится или читает книгу. Гораздо легче ударить «жвачное животное», «зомби», «биоробота».

Использование псевдо-латыни придает этим оскорблениям вес научного диагноза. Читатель, не искушенный в тонкостях теологии, видит термин *homo jehovisticum* и подсознательно воспринимает его как объективную характеристику, установленную некими исследователями. Ему кажется, что он читает отчет антрополога или психиатра, а не памфлет идеологического противника.

Эта стратегия мимикрии под науку прослеживается во всей книге. Автор обильно использует медицинские метафоры: «метастазы», «вирус», «эпидемия», «инфекция». Религиозные взгляды описываются как болезнь. А с болезнью не спорят — её лечат. Часто хирургическим путем.

Техника «Нанизывания»: Лингвистический каток

Еще один мощный инструмент в арсенале автора — техника аккумуляции негативных коннотаций, или «нанизывание». Это риторический прием, при котором на один объект обрушивается каскад определений, каждое из которых бьет в одну точку, усиливая эффект предыдущего. Читателю не дается времени на

осмысление каждого отдельного термина; он оказывается погребен под лавиной страшных слов.

Рассмотрим хрестоматийный пример из книги — характеристику Международного Общества Сознания Кришны (МОСК):

«МОСК можно охарактеризовать как псевдоиндуистскую синкретическую прозелитствующую постмодернистскую неоязыческую тоталитарную секту».

Шесть прилагательных и одно существительное. Семь ударов молотком. Давайте разберем этот лингвистический конструкт.

1. **«Псевдоиндуистская»**. Приставка «псевдо-» (ложь) сразу же отказывает движению в подлинности. Автор заявляет: это подделка. Вам не нужно уважать их традиции, потому что они ненастоящие. Это имитация.

2. **«Синкретическая»**. В научном религиоведении синкретизм — нейтральный термин, обозначающий смешение традиций. Но в контексте православной апологетики это синоним нечистоты, духовной всеядности, отсутствия стержня.

3. **«Прозелитствующая»**. Означает активную проповедь. Опять же, нейтральный термин, но здесь он подается как обвинение в агрессивной экспансии. «Они идут за вами».

4. **«Постмодернистская»**. Ярлык, призванный показать, что движение — новодел, лишенный корней, продукт современной эпохи разложения, а не древней мудрости.

5. **«Неоязыческая»**. Для православного читателя (а книга адресована в первую очередь им) «язычество» — это мерзость перед Богом. Приставка «нео-» добавляет оттенок искусственности. Это не «благородное» древнее язычество, а современная подделка под него.

6. **«Тоталитарная»**. Контрольный выстрел. Политическое обвинение в подавлении личности.

7. **«Секта»**. Финальное клеймо.

Эта конструкция не несет никакой научной информации. Это эмоциональный вердикт. Сочетание слов подобрано так, чтобы вызвать максимальное отторжение. «Псевдо-», «нео-», «секта» — эти морфемы работают как триггеры тревоги.

Лингвистическая экспертиза данного фрагмента в одном из опубликованных юр-лингвистических анализов формулируется так:

«Накопление негативных коннотаций... большинство из которых в данном контексте несут негативный или уничижительный заряд... Это не нейтральные дескрипторы, а оценочные ярлыки, предназначенные для дискредитации».

Автор не анализирует вероучение. Он создает образ монстра Франкенштейна, сшитого из кусков разных страхов: страха перед подделкой, страха перед чужим, страха перед насилием.

Приставка «Псевдо-»: Отказ в праве на существование

Особое место в словаре нетерпимости занимает приставка «псевдо-». Она встречается в книге с маниакальной частотой: «псевдоиндуистские», «псевдохристианские», «псевдомедицинские», «псевдорелигиозные».

Зачем автору так нужна эта приставка?

В лингвистике это называется маркером делегитимизации. Называя что-то «псевдо-», вы отказываете этому явлению в праве на имя. Вы говорите: «То, чем вы занимаетесь — это не религия. Это мошенничество, маскирующееся под религию».

Это критически важный момент для юридических последствий. Конституция гарантирует свободу вероисповедания. Но она не гарантирует свободу мошенничества. Если убедить общество и суд, что перед ними не религия, а «псевдорелигия», то конституционная защита исчезает. Можно запрещать книги, закрывать молитвенные дома, сажать проповедников — ведь мы боремся не с верой, а с подделкой, с имитацией.

В главе, посвященной индуизму, автор пишет:

«Их можно назвать неоиндуистскими, хотя для большей их части, на наш взгляд, подходит название псевдоиндуистские».

Фраза «на наш взгляд» — это слабая попытка прикрыть субъективность, но далее следует безапелляционное утверждение. Автор берет на себя роль верховного судьи, решающего, какая ветвь древнейшей мировой религии является «настоящей», а какая — «фальшивой». При этом критерием истинности выступает не мнение самих индуистов или индологов, а исключительно личное неприятие автора.

Это интеллектуальное высокомерие «экспертского» типа: человек из московского кабинета решает за миллиард индусов, кто из них правильно верит в Кришну, а кто — «псевдо».

Криминализация словаря: от «проповеди» к «вербовке»

Язык книги «Сектоведение» — это язык уголовной хроники. Автор систематически подменяет нейтральную религиозную лексику терминами из криминального и шпионского словаря. Это тонкая, но убийственная манипуляция. Одно и то же действие можно описать по-разному, и от выбора слова зависит восприятие действия.

- Когда православный священник говорит о Боге — это **проповедь** или **миссионерство**. Когда то же самое делает кришнаит или мормон — это **вербовка**. Слово «вербовка» ассоциируется со спецслужбами или террористическими организациями. Вербуют агентов, шпионов, смертников.

- Когда человек приходит в православный храм — он **прихожанин**. Когда он приходит в зал Царства — он **адепт** или **жертва**.

- Когда верующие живут вместе — это **монастырь** или **община**. Если это «секта» — это **лагерь, база** или **притон**.

- Убеждение в истинности своей веры превращается в **зомбирование, промывку мозгов** или **контроль сознания**.

- Пожертвование на храм становится **финансовой пирамидой, выкачиванием денег** или **мошенничеством**.

Рассмотрим фрагмент, касающийся распространения литературы:

«Кришнаитские книготорговцы, которых вы встречаете на улицах, — жертвы обмана, но они (вольно или невольно) стремятся обмануть и вас. Этим милых и искренних ребят натаскивают, чтобы они обманом и бессовестным психологическим шантажом вынуждали людей отдавать им деньги».

Здесь каждое слово работает на криминализацию. «Книготорговцы» вместо миссионеров (сведение духовной деятельности к коммерции). «Жертвы обмана» (отказ в субъектности). «Стремятся обмануть» (приписывание преступного умысла). «Натаскивают» — глагол, применяемый к служебным собакам. Людей не учат, их «натаскивают». «Психологический шантаж», «вынуждали» — лексика уголовного кодекса.

Автор создает картину мира, в которой любой контакт с представителем «нетрадиционной» религии — это не встреча с иным мировоззрением, а попадание в зону совершения преступления. Вы не беседуете — вас «обрабатывают». Вы не жертвуете — вас «грабят».

Эта подмена понятий имеет далеко идущие последствия. Следовательно, читающий эту книгу, может начать видеть в религиозной деятельности состав преступления. Если проповедь названа «вербовкой», то она легче интерпретируется в логике статей о вовлечении. Если пожертвование названо «мошенничеством», то бухгалтерия общины воспринимается как вешдок.

Язык формирует оптику. Через линзу «Сектоведения» невозможно увидеть веру. Можно увидеть только криминальную схему.

«Ублюдок» и «Мусор»: Лексика ненависти

Анализируя текст, невозможно не заметить, как часто автор срывается с псевдонаучного тона на откровенную брань. Маска профессора спадает, и проступает лицо уличного скандалиста.

О Книге Мормона, священном тексте для миллионов людей, автор пишет:

«...мормонская библия — всего лишь бесталанный вымысел... в итоге получился ублюдок...»

Слово «ублюдок» (о языке книги) в современном русском языке является бранным. В академическом тексте, претендующем на статус учебного пособия, такая лексика недопустима. Это не критика стиля, это плевок.

О людях, пришедших в движение сознания Кришны:

«Нашлись и такие, кто, будучи маргиналами и неудачниками, не нашли себе места в западном обществе и, озлобившись на отбросивший их на обочину мир, с радостью кинулись в распростёртые объятия Прабхупады, который с готовностью взял их в рабство».

«Маргиналы», «неудачники», «озлобившись», «рабство». Автор отказывает людям в искреннем духовном поиске. Он утверждает, что в «секты» идут только отбросы общества, люди второго сорта, лузеры. Это социальный расизм. Создается образ «их» как сборища неполноценных личностей, которыми управляет злой кукловод.

Такая риторика выполняет функцию социальной анестезии. Обществу говорят: «Не жалейте их. Это неудачники. Они сами виноваты. Они рабы». А рабов не жалко.

Экспертиза как приговор

Самое страшное в этом лингвистическом конструкторе то, что он вышел за пределы книжных страниц. Терминология, изобретенная или популяризированная Дворкиным, стала языком российских судебных экспертиз.

В России сложилась парадоксальная ситуация. Суды заказывают экспертизы по делам об экстремизме у специалистов, которые учились по книгам Дворкина или являются частью его сети. Таким образом:

1. Дворкин пишет книгу, где называет группу «тоталитарной сектой» и приписывает ей преступные намерения.
2. Следователь возбуждает дело и заказывает экспертизу.

3. Эксперт-«сектовед» берет книгу Дворкина как «научный источник» и пишет в заключении: «Данная группа является тоталитарной сектой, так как обладает признаками, описанными в фундаментальном труде А.Л. Дворкина».

4. Суд, опираясь на экспертизу, выносит приговор.

Книга сама себя цитирует, сама себя подтверждает и сама себя исполняет. Это идеальная самоподдерживающаяся система репрессий, построенная на словах.

В публичной полемике вокруг антикультового движения регулярно звучит упрёк, что его лидеры производят собственный «новояз» и закрепляют в обороте эмоционально нагруженные термины — в том числе «тоталитарная секта».

Это закрепление произошло не только в обществе, но и в силовых структурах. Язык вражды стал языком протокола.

Мы рассмотрели конструкцию языка, на котором говорит современная российская инквизиция. Это язык, специально сконструированный для того, чтобы убивать эмпатию. В нем нет места для диалога, сомнения или понимания. Это бинарный код: свой — чужой, человек — *homo jehovisticum*, традиция — псевдорелигия.

Каждое слово в книге Дворкина — это кирпич в стене, отделяющей «нормальных» граждан от «сектантов». И эта стена строится не для защиты, а для расстрела.

Но лингвистическая дегуманизация — это только первый этап. Назвав человека «псевдочеловеком», нужно объяснить, почему он опасен. Нужно создать мифологию зла, превратить группу молящихся людей в армию тьмы, угрожающую самому существованию цивилизации. О том, как создается этот образ врага, используя самые темные архетипы коллективного бессознательного, мы поговорим далее.

А пока вернемся в зал суда. Судья перелистывает страницу. Его взгляд скользит по строчкам: «псевдоиндуистская», «вербовка», «зомбирование». Он не знает, что эти слова — не факты, а вирусы, внедренные в его сознание. Он поднимает глаза на подсудимого. И больше не видит перед собой человека. Он видит *homo jehovisticum*. Приговор уже написан, хотя совещательная комната еще пуста. Слово сделало свое дело.

Глава 2: Образ врага — метафоры войны и хаоса

Любая пропаганда ненависти, будь то радио «Тысячи холмов» в Руанде или антисемитские брошюры 1930-х годов, строится на одном фундаментальном принципе: враг не может быть просто оппонентом. Оппонент — это тот, с кем можно спорить, искать компромисс или, в крайнем случае, просто не соглашаться. Враг же, в понимании идеологов радикальной нетерпимости, представляет собой экзистенциальную угрозу. Он не просто «неправ» — он есть само воплощение зла, хаоса и смерти.

Книга, которую цитируют и используют в полемике — в том числе в экспертной и «антисектантской» среде, выполняет именно эту функцию: она трансформирует религиозные меньшинства из категории «инакомыслящие» в категорию «метафизическое зло». Автор не просто критикует догматы; он конструирует демонический пантеон, где место чертей и бесов занимают кришнаиты, пятидесятники и мормоны.

Теология ненависти: «Консенсус религий антихриста»

Центральным элементом построения образа врага в «Сектоведении» является апелляция к абсолютному злу в христианском понимании — к фигуре Антихриста и Сатаны. Для светского читателя эти слова могут показаться лишь сильными метафорами, но для целевой аудитории книги — православного духовенства и воцерковленных мирян — это сигнал тревоги высшего уровня. Назвать кого-то слугой Антихриста — значит вывести его за пределы человеческого сострадания и морали. С Антихристом не ведут диалог. Его уничтожают.

Рассмотрим, как эта технология применяется к индуизму — одной из древнейших мировых религий. Автор не утруждает себя анализом Вед или

Упанишад. Вместо этого он формулирует тезис, который звучит как приговор военного трибунала:

«Индуизм, особенно в своем оккультном аспекте, питает и, возможно, составляет ядро формирующейся на наших глазах религии или, вернее, консенсуса религий антихриста».

В этой фразе каждое слово — это удар молота. «Оккультный аспект» сразу же связывает традицию с тайными, темными ритуалами. Но главное — это «консенсус религий антихриста». Автор объединяет разрозненные, часто не связанные между собой движения в единую, монолитную армию Тьмы. Это классический конспирологический прием: создать иллюзию глобального заговора, направленного против «истинной веры». Читателю внушается мысль: они все заодно. Кришнаиты, теософы, неоязычники — это не разные группы, это головы одной гидры, управляемой из единого inferнального центра.

Но автор идет дальше. Ему мало демонизировать последователей, нужно демонизировать сам объект их поклонения. В главе, посвященной Обществу сознания Кришны, происходит лингвистическая манипуляция, граничащая с фальсификацией.

Разбирая имя «Кришна», которое на санскрите означает «черный», «темный» или «всепривлекающий» (в значении цвета грозовой тучи или космоса), автор совершает семантическое сальто:

«...слово Кришна ... значит “чёрный”, “тёмный”, то есть “тёмная духовная сущность”».

Обратите внимание на связку «то есть». Это момент подмены. Из нейтрального обозначения цвета (распространенного в иконографии многих религий, включая христианскую — вспомним «Черных Мадонн») автор выводит теологическое определение «темная духовная сущность». Для русского уха «темная сущность» — это синоним беса, демона.

Закрепляя эффект, автор прибегает к авторитету Евангелия, вырывая цитату из контекста и направляя её как оружие против индуистского божества:

«Как тут не вспомнить слова Спасителя о диаволе, который был человекоубийцей от начала».

Таким образом, миллионы индусов, по логике автора, поклоняются не Богу, а дьяволу-человекоубийце. Этот риторический прием называется «демоническая инверсия». Бог чужой религии объявляется дьяволом вашей религии. Это не просто оскорбление чувств верующих; это создание образа врага, который опасен на онтологическом уровне. Если они поклоняются «человекоубийце», значит, они сами — потенциальные убийцы.

Эстетика отвращения: Кровь, черепа и «мусор»

Страх — сильное чувство, но отвращение — еще сильнее. Эволюционные психологи знают: отвращение — это защитный механизм, призванный уберечь организм от инфекции и яда. Пропагандисты всех мастей используют этот инстинкт, чтобы вызвать физическое неприятие определенной группы людей.

В «Сектоведении» этот метод используется виртуозно. Описывая индуистскую богиню Кали, автор сознательно сгущает краски, создавая образ из фильма ужасов категории «Б»:

«Описания облика Кали... отталкивающие. Кровь, отрезанные руки и головы в качестве украшений, трупы, иступление — вот “образный ряд”, который здесь используется».

Автор игнорирует сложный символизм этих образов в индийской культуре, где черепа могут означать бренность материального мира, а меч — отсечение привязанностей. Ему нужна только картинка: кровь и трупы. Читатель должен почувствовать тошноту. Ему внушают: «Смотрите, кому они молятся! Разве нормальный человек может поклоняться такому? Это маньяки, некрофилы, садисты».

Но вершиной этой стратегии расчеловечивания является пассаж, посвященный Свидетелям Иеговы. Здесь автор переходит от теологических обвинений к прямым обвинениям в жажде геноцида. Он приписывает верующим садистское наслаждение от созерцания гибели человечества:

«Правда, теперь “Свидетели Иеговы” ... будут лишь наслаждаться зрелищем избиения небесным воинством всех своих врагов, а когда всё закончится, примут

участие в чистке Земли от оставшегося “мусора” (очевидно, и от миллиардов человеческих тел)».

Давайте остановимся и проанализируем это предложение. Это, пожалуй, один из самых страшных фрагментов во всей современной российской публицистике.

Во-первых, **«наслаждаться зрелищем избиения»**. Автор проецирует на верующих собственные фантазии о насилии. В текстах самих Свидетелей Иеговы Армагеддон описывается как трагедия, как вынужденная мера Бога, а не как шоу, которым нужно наслаждаться. Но автору нужно создать образ кровожадного монстра, который только и ждет момента, чтобы увидеть вашу смерть.

Во-вторых, и это самое главное — слово **«мусор»**. Автор вкладывает это слово в уста верующих, хотя в их литературе оно в таком контексте не применяется. Но затем он делает уточнение в скобках, которое работает как контрольный выстрел: *«(очевидно, и от миллиардов человеческих тел)»*.

Слово «мусор» по отношению к людям — это классика геноцидной риторики. Нацисты называли евреев и ромов «грязью», которую нужно вычистить. В Руанде тутси называли «тараканами». Когда людей называют мусором, включается метафора гигиены. Мусор не убивают — его убирают. Его выметают, сжигают, утилизируют. Это не убийство, это уборка. Санитарная процедура.

Приписывая своим оппонентам восприятие остальных людей как «мусора», автор «Сектоведения» достигает двойного эффекта. С одной стороны, он обвиняет их в бесчеловечности («они считают вас мусором!»). С другой стороны, он легитимизирует такое же отношение к ним самим. Если они считают нас мусором, то мы имеем моральное право уничтожить их первыми. Это превентивная самооборона.

Милитаризация сознания: «Пятая колонна» и агенты влияния

Если первая линия атаки — религиозная (они слуги дьявола), то вторая — геополитическая. В мире «Сектоведения» нет места духовному поиску. Есть только война. И в этой войне религиозные меньшинства выполняют роль диверсантов, шпионов и предателей.

Автор активно использует военную лексику, перекодируя религиозную деятельность в боевые операции.

- Миссионерство становится **«вербовкой»** и **«экспансией»**.
- Религиозная организация — **«иностранный разведкой»**.
- Верующие — **«агентами влияния»** и **«пятой колонной»**.

В главе, посвященной неопятидесятникам, автор пишет о «миссионерском вызове Церкви Христовой». Слово «вызов» здесь означает не приглашение к диспуту, а брошенную перчатку. Это объявление войны.

Особое внимание уделяется связи религиозных групп с Западом, прежде всего с США. Этот нарратив идеально ложится на почву постсоветского ресентимента и подозрительности. Любая группа, имеющая штаб-квартиру за рубежом, автоматически маркируется как инструмент политического влияния.

«Секта Дворкина создала образ врага и активно навязывала его российскому обществу... продвигали нарратив о том, что религиозные меньшинства — это опасный инструмент США для организации переворотов и революций».

В тексте книги и многочисленных лекциях автора прослеживается четкая линия: «секты» — это не про веру, это про развал государства. Они приходят, чтобы ослабить духовный иммунитет нации, разрушить традиции и подготовить почву для внешнего вторжения.

Вспомним цитату о «Дивеевском братстве» и риторике войны. Автор постоянно проводит параллели между деятельностью религиозных групп и хаосом. Он пугает читателя сценариями гражданской войны, майданов и революций, виновником которых неизменно назначаются «сектанты».

Этот прием переводит вопрос из плоскости свободы совести в плоскость национальной безопасности. Если кришнаит или баптист — это просто человек с другими взглядами, то его права защищает Конституция. Но если он — «агент влияния», подрывающий устои государства, то им должны заниматься ФСБ и Центр «Э».

Именно эта подмена понятий позволила части аудитории легитимизировать репрессии. Когда спецназ врывается в дом к верующему, выбивая двери и укладывая лицом в пол стариков и детей, они не чувствуют, что совершают насилие

над мирными гражданами. Они верят, что обезвреживают ячейку врага. Они на фронте. А на войне, как известно, все средства хороши.

Проекция хаоса: Кто на самом деле провоцирует конфликт?

Одним из самых циничных приемов в книге является обвинение жертвы в провоцировании насилия. Автор утверждает, что само существование «сект» создает социальное напряжение, и, следовательно, они сами виноваты в той ненависти, которая на них обрушивается.

В отношении Свидетелей Иеговы используется следующая логическая конструкция:

«...эта и им подобные заявления резко настраивают иеговистов против приверженцев всех остальных религий... Эта агрессия вырывается наружу и, естественно, рождает ответную реакцию... Так руководство секты провоцирует межрелигиозную напряжённость и конфликтные ситуации...»

Разберем этот механизм.

1. Группа имеет свои убеждения (пусть даже считает свою веру единственно истинной — что свойственно почти любой религии).
2. Автор называет эти убеждения «агрессией».
3. Любое насилие *против* этой группы объявляется «естественной ответной реакцией».
4. Вывод: группа сама виновата. Она «спровоцировала».

Это классическая логика абыюзера: «Она сама меня спровоцировала, она надела короткую юбку». Автор снимает ответственность с погромщиков и государства, перекладывая её на жертв. «Если бы вы не были такими “другими”, нас бы не пришлось вас бить».

Более того, автор приписывает группам намерение создать хаос. Он рисует картины разрушенных семей, потерянных квартир, суицидов и безумия. «Секта» в

его изображении — это вирус, который разъедает ткань общества, превращая упорядоченную жизнь в руины.

Парадокс заключается в том, что именно деятельность «антикультистов» вносит раскол в общество. Натравливая одних граждан на других, разжигая подозрительность и ненависть, они создают тот самый хаос, в котором обвиняют своих оппонентов. Но в зеркале пропаганды все перевернуто: агрессор называет себя защитником, а жертву — угрозой.

Тень Вальтера Кюннета: Исторические параллели

Читая «Сектоведение», трудно отделаться от ощущения дежавю. Риторика, образы, структура аргументации — все это мы уже видели. История XX века хранит мрачные свидетельства того, как подобные тексты становились прелюдией к катастрофам.

Исследователи указывают на пугающее сходство методов Александра Дворкина и деятельности Вальтера Кюннета — немецкого богослова, возглавлявшего Апологетический центр в нацистской Германии. В 1930-е годы Кюннет занимался тем же самым: он составлял списки «вредных сект», писал разоблачительные брошюры и доказывал, что Свидетели Иеговы (тогда известные как Исследователи Библии) и другие группы являются угрозой для немецкого духа и государства.

Кюннет тоже использовал метафоры болезни и войны. Он тоже говорил о необходимости «очищения» нации от чужеродных элементов. Его работа подготовила идеологическую почву для запрета этих организаций и отправки их членов в концлагеря. Гестапо использовало материалы Апологетического центра как справочные пособия при проведении арестов.

Дворкин воспроизводит эту матрицу. Создание образа «внутреннего врага» — это необходимый этап для консолидации тоталитарного режима. Чтобы сплотить нацию, нужен тот, кого можно ненавидеть. Нужен козел отпущения.

«Нацизм — это всегда война, уничтожение одной группы или другой. Если у нацистов заканчиваются враги, они начинают пожирать друг друга. Они не могут существовать без врага».

«Сектоведение» предоставляет режиму этот необходимый ресурс — бесконечный запас врагов. Сегодня это иеговисты, завтра — пятидесятники, послезавтра — кришнаиты, затем — психологи, коучи, йоги. Список открыт. Механизм демонизации универсален и может быть применен к любой группе.

Инфернальный конструктор

Подводя итог анализу эмоциональной составляющей книги, мы видим четко отлаженную систему. Это не хаотичный набор оскорблений, а продуманная стратегия воздействия на подсознание.

- **Страх:** Группы связываются с Сатаной, Антихристом и абсолютным злом.
- **Отвращение:** Используются физиологические образы крови, трупов, мусора.
- **Угроза:** Группы представляются как иностранные агенты, диверсанты, разрушители государства.
- **Оправдание насилия:** Жертвы объявляются виновниками конфликта, а агрессия против них — священным долгом и самообороной.

Автор создает герметичный мир, в котором у читателя не остается выбора. Если ты веришь автору, ты *обязан* ненавидеть. Ты обязан бояться. И ты обязан действовать.

Этот текст работает как психотропное оружие. Он меняет оптику восприятия реальности. Человек, прочитавший эту книгу, выходя на улицу, видит не улыбчивых юношей с книгами, а «зомбированных биороботов», запрограммированных на уничтожение его мира. Он видит не молитвенный дом, а бункер врага.

И когда государство дает команду «фас», этот человек не испытывает сомнений. Ведь он борется не с людьми. Он борется с «мусором», с «темными сущностями», с «агентами хаоса».

В одном из залов судебных заседаний прокурор, требуя реального срока для верующего, зачитывал характеристику из дела. В ней не было ни слова о реальных

поступках подсудимого. Там были цитаты из экспертизы, основанной на «Сектоведении». Прокурор говорил о «духовной агрессии» и «скрытой угрозе». Подсудимый — отец двоих детей, никогда не державший в руках оружия, — слушал это, опустив голову.

В этот момент в зале суда незримо присутствовал призрак. Призрак ненависти, вызванный из бездны словами, напечатанными на белой бумаге. Словами, которые превратили соседа во врага.

Но создание образа врага — это только половина дела. Чтобы машина репрессий заработала на полную мощность, нужно не просто напугать общество. Нужно убедить его в собственной исключительности. Нужно создать миф о «Мы», ради которого стоит уничтожить «Они». Запомните этот момент: момент, когда человек перестает быть человеком и становится мишенью.

Глава 3: Идеология ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ

Любая тоталитарная система начинается не с тюрем и не с расстрельных полигонов. Она начинается с карандаша и линейки, которыми идеолог проводит черту. По одну сторону этой черты оказываются «Мы» — носители истины, культуры, традиций и правильного генетического кода. По другую — «Они». Те, кто не вписывается. Те, кто лишний. В книге «Сектоведение» эта черта проведена безжалостно.

Монополия на спасение: Иерархия выживания

Открывая «Сектоведение», читатель, возможно, ожидает увидеть панораму религиозной жизни: вот буддисты, вот протестанты, вот новые движения. Но вместо карты мира ему подсовывают схему военного лагеря.

Текст книги выстраивает жесткую вертикаль, не допускающую полутонов. На вершине этой пирамиды находится Русская Православная Церковь Московского Патриархата (РПЦ МП). Это не просто одна из конфессий в многонациональном государстве. В логике книги это — точка отсчета, «Гринвичский меридиан» духовности, единственная норма. Все, что отклоняется от этой нормы, маркируется не как «другое», а как «дефектное».

В ряде критических и юр-лингвистических разборов «Сектоведения» выделяют как программный тезис, проходящий красной нитью через все главы:

«В отличие от спасительного пути, предлагаемого Православной Церковью, учения сект ведут своих последователей к духовной и психологической деградации».

Обратите внимание на категоричность формулировки. Здесь нет места для дискуссии о разных путях к Богу или о свободе совести. Есть бинарная оппозиция: «спасение» против «деградации». Жизнь против смерти.

Эта конструкция автоматически выводит оппонентов из правового поля. Конституция Российской Федерации (статья 14) провозглашает светский характер государства и равенство религиозных объединений перед законом. Однако идеология «Сектоведения» стоит над Конституцией. Если группа ведет к «деградации», то о каком равенстве может идти речь? Разве можно уравнивать врача и вирус?

Автор книги создает искусственную иерархию, где гражданские права обусловлены конфессиональной принадлежностью. «Полноценный гражданин» — это православный (или, как минимум, лояльный к «традиционной» религии). Адепт же иного учения — это гражданин второго сорта, пораженный в правах самой своей верой.

В отношении мормонов автор пишет:

«...мормоны — не реформаты и не протестанты, а языческая секта, и принимать их нужно только через Крещение, по образцу того, как принимают язычников».

Для светского читателя это может показаться внутрицерковной инструкцией. Но в контексте книги, которая циркулирует как «справочник» и «объяснительная

рамка» за пределами чисто церковной дискуссии, это уже политическое заявление: отказ группе в статусе христианской конфессии и навешивание ярлыка «языческая секта» в российской культурной матрице равносителен объявлению их дикарями, не имеющими отношения к цивилизованному обществу.

Импорт нетерпимости: «Невроз первой поправки»

Откуда взялась эта бескомпромиссная уверенность в праве решать, кто достоин свободы, а кто нет? Корни идеологии, транслируемой в «Сектоведении», уходят гораздо глубже, чем простое недовольство конкурентами на религиозном рынке.

Следы ведут на Запад, к фигуре Йоханнеса Огорда — датского богослова и одного из лидеров современного антикультизма, на которого Дворкин и его единомышленники ссылаются как на один из ориентиров «антикультуовой» мысли. Чтобы понять «Сектоведение», нужно понять философию Огорда, которую Дворкин импортировал в Россию как «передовое знание».

В своем эссе «Обращение в веру — религиозные изменения» (публикация на ресурсе ICSA) Огорд формулирует манифест борьбы с религиозной свободой. Он называет американскую модель демократии и Первую поправку к Конституции США (гарантирующую свободу вероисповедания) «неврозом первой поправки».

Вдумайтесь в этот термин. Фундаментальное право человека, завоеванное веками борьбы, объявляется болезнью, психическим отклонением.

Огорд пишет о США 1991 года: «Под прикрытием религиозной свободы к нам прокралась смертоносная вседозволенность».

«Смертоносная вседозволенность». Так идеолог называет право человека выбирать, во что верить. Для Огорда и его последователей свобода выбора — это угроза. Это брешь в обороне, через которую проникает враг.

В «Сектоведении» эта мысль адаптирована для российской почвы. Автор транслирует идею, что государство обязано вмешиваться в духовную жизнь граждан, чтобы защитить их от «неправильного» выбора. Логика такова: люди глупы и неразумны, они не могут отличить истину от лжи, поэтому нужен

«Большой Брат» — союз Церкви и Государства, — который силой оградит их от этой «смертоносной вседозволенности».

Огорд сравнивает религиозных проповедников с недобросовестными бизнесменами, для которых этические стандарты не более уместны, чем для бульдозера. Эта метафора рынка, где «имеет значение только успех», переключалась в российское «сектоведение» практически без изменений. Любая активная религиозная деятельность меньшинств трактуется исключительно как циничный бизнес, «продажа» фальшивого товара.

Огорд пишет: «Мы стали обществом вседозволенности в отношении злоупотреблений над душами других людей. Промывание мозгов и убийство души происходят повсеместно — и при этом не существует законов против этого».

Этот пассаж Огорда — ключ к пониманию конечной цели «Сектоведения». Цель — создание таких законов. Законов, которые криминализируют убеждение. Законов, которые позволят сажать в тюрьму за «убийство души» — термин, не имеющий юридического определения, но обладающий колоссальным репрессивным потенциалом.

Автор книги фактически предлагает демонтировать демократические институты защиты прав человека, объявляя их инструментом «злонамеренной эксплуатации». Он убеждает читателя (следователя, судью, законодателя), что соблюдение прав меньшинств — это слабость, ведущая к гибели нации.

Биология ненависти: *Homo Jehovisticum* как новый вид

Идеология исключительности неизбежно требует доказательства того, что «они» хуже «Нас» не только духовно, но и физически, антропологически. Нацистская пропаганда использовала черепомерки. Автор «Сектоведения» использует псевдонаучную лингвистику.

Мы уже упоминали термин *homo jehovisticum* в контексте языковых игр. Но давайте посмотрим на него через призму идеологии расовой гигиены.

Вводя этот термин, автор совершает акт *видообразования*. Он заявляет, что в результате религиозной практики появляется новый биологический вид.

«...создаёт своего собственного человека... *homo jehovisticum*... говорящего на уродливо-усреднённом языке, читающего усреднённо-жвачную печатную продукцию...»

Эпитеты «уродливый» и «жвачный» здесь не случайны. Это лексика физиологического вырождения. «Жвачный» отсылает к скоту, к существу, которое не мыслит, а лишь переваривает.

Это прямая калька с пропаганды евгеники начала XX века. Тогда тоже говорили о том, что определенные идеологии или этнические примеси ведут к дегенерации, к появлению «недочеловеков». Автор «Сектоведения» утверждает, что чтение журналов «Сторожевая башня» или повторение мантр физически меняет человека, превращая его в мутанта.

Юрико-лингвистический анализ книги «Сектоведение» квалифицирует это как унижение человеческого достоинства и механизм формирования презрения.

Создавая образ «иеговистского человека», автор решает важнейшую задачу: он отключает эмпатию. Нельзя сочувствовать мутанту. Нельзя применять права человека к существу, которое человеком уже не является. Если *homo jehovisticum* — это ошибка эволюции, то задача здорового общества — исправить эту ошибку.

Отказ в субъектности: Миф о «неудачниках»

Еще один столп идеологии исключительности — отказ оппоненту в разуме и воле. В мире «Сектоведения» никто не становится кришнаитом или пятидесятником по доброй воле, в результате духовного поиска или интеллектуального выбора. Это невозможно, потому что, согласно автору, истина только одна. Значит, любой уход в другую веру — это патология или результат обмана.

Характеризуя людей, примкнувших к Обществу сознания Кришны, автор пишет, что нашлись такие, кто, будучи маргиналами и неудачниками, не нашли себе места в западном обществе и с радостью кинулись в распростёртые объятия Прабхупады, который с готовностью взял их в рабство.

В этой фразе сконцентрировано колоссальное высокомерие.

Во-первых, **стигматизация**: «маргиналы и неудачники». Автор утверждает, что в новые религиозные движения идут только социальные отбросы. Люди, которые «не нашли себе места». Это ложь, опровергаемая социологией (среди верующих множество успешных профессионалов, людей с высшим образованием), но эта ложь необходима для поддержания мифа о превосходстве. «Мы» — успешные и нормальные. «Они» — лузеры.

Во-вторых, **лишение воли**: «кинулись в объятия... взял в рабство». Верующий здесь представлен как объект, а не субъект. Он не выбирает — его «берут». Он не служит Богу — он попадает в «рабство». Ни о какой свободе личности для сектанта не может быть и речи. Если у человека нет свободы личности, значит, он вещь. Инструмент в руках кукловода. А с вещью не разговаривают. Вещь конфискуют.

Отказывая верующим в субъектности, автор «Сектоведения» легитимизирует патерналистское насилие. Логика такова: «Эти люди — зомбированные рабы. Они не понимают, что творят. Поэтому мы, здоровые и свободные, имеем право применить к ним силу ради их же блага. Мы должны насильно вытащить их из секты, даже если они сопротивляются. Мы должны запретить их литературу, потому что она для них как наркотик».

Так насилие переименовывается в «спасение», а дискриминация — в «помощь».

Эсхатологический фронт: «Консенсус антихриста»

Идеология исключительности достигает своего апогея, когда переходит от социологии к мистике. Чтобы окончательно зацементировать стену между «Нами» и «ими», автор объявляет оппонентов не просто заблудшими, а метафизическими врагами.

В главе об индуизме содержится утверждение, которое можно считать квинтэссенцией религиозной ненависти. О том, что индуизм, особенно в своём оккультном аспекте, питает и, возможно, составляет ядро формирующейся религии или, вернее, консенсуса религий антихриста.

Здесь автор использует мощнейший архетип христианского сознания — фигуру Антихриста. Это абсолютное зло, конец времен, гибель мира. Объявляя индуизм (мировую религию с миллиардом последователей!) ядром религии антихриста, автор переводит конфликт в плоскость эсхатологической войны. Это уже не спор о догматах. Это битва Света и Тьмы.

Термин «консенсус религий антихриста» подразумевает глобальный заговор. Автор внушает читателю параноидальную мысль: все эти «секты», йоги, гуру — не разрозненные группы. Они — единая армия, объединенная дьявольским планом уничтожения.

Дворкин также говорит о том, что современный индуизм и, в первую очередь, как он называет, "гуруистские секты" — это миссионерский вызов Церкви Христовой.

Такая риторика создает атмосферу осажденной крепости. В условиях войны (пусть и духовной) действуют законы военного времени. Презумпция невиновности, толерантность, уважение к чужому мнению — все это отбрасывается как ненужный балласт. Нельзя быть толерантным к Антихристу.

Тест Рабата: Красная черта пройдена

Если отвлечься от эмоций и посмотреть на текст «Сектоведения» сухим взглядом юриста-международника, картина становится еще более мрачной. Существует международный стандарт оценки языка вражды — «Рабатский план действий», разработанный под эгидой ООН. Он содержит шесть критериев для определения того, является ли высказывание подстрекательством к дискриминации и насилию.

Анализ книги по этим критериям дает пугающий результат:

1. **Контекст:** Книга распространяется в стране с доминирующей ролью одной религии, усиливая давление на меньшинства.
2. **Статус автора:** Позиционируется как профессор, эксперт Минюста, что придает его словам вес государственной позиции.
3. **Намерение:** Текст системно и последовательно демонизирует группы, не оставляя места для иной трактовки.

4. **Содержание:** Использование дегуманизирующих метафор (*homo jehovisticum*, «рабы» и так далее).
5. **Степень гласности:** Книга издается массовыми тиражами, используется в вузах и семинариях.
6. **Вероятность реализации:** На основе этой идеологии реально возбуждаются уголовные дела, запрещаются организации, люди отправляются в колонии.

В специализированном юридико-лингвистическом разборе книги подчеркивается, что подобные конструкции системно формируют враждебность и оправдание исключения.

Книга Дворкина — это не просто мнение частного лица. Это идеологический манифест, который (в логике такого анализа) создает параллельную «нормативность», где угрозой объявляется не призыв к насилию, а сама вера в «неправильного» Бога.

Механизм социального исключения

Подводя итог этой главе, мы видим, как работает механизм исключительности. Это замкнутый цикл:

1. **Определение нормы:** Есть только одна истинная Церковь и одна здоровая нация.
2. **Патологизация иного:** Все остальные — это «секты», «псевдорелигии», «мутанты» (*homo jehovisticum*).
3. **Криминализация свободы:** Свободный выбор объявляется «смертоносной вседозволенностью» и «неврозом».
4. **Демонизация:** Оппоненты объединяются в «консенсус антихриста».
5. **Лишение прав:** Поскольку «они» — не совсем люди и слуги зла, на них не распространяются законы человеческого общежития.

Этот механизм превращает общество в казарму, где любой, кто не марширует в ногу, объявляется врагом народа. И самое страшное, что эта идеология подается не в подпольных листовках, а в учебниках, лежащих на столах у тех, кто должен охранять закон.

Глава 4: Психологическая манипуляция страхом

Страх — это самый древний и самый мощный инструмент управления. Он отключает неокортекс — ту часть мозга, которая отвечает за логику, анализ и сострадание, — и передает управление лимбической системе. В состоянии страха человек не рассуждает. Он либо бежит, либо атакует.

Книга «Сектоведение», которую мы продолжаем исследовать, не просто информирует читателя. Она систематически, страница за страницей, вводит его в состояние искусственно индуцированной паники. Это не учебник, это кнопка тревоги, нажатая и зафиксированная в положении «ВКЛ».

Фабрика тревоги: Создание фантома

Психологический терроризм — термин жесткий, но в контексте анализа методов антикультизма он обретает пугающую точность. По сути, это управляемое запугивание, которое переводит аудиторию из режима «думать» в режим «спасаться».

Когда вы открываете «Сектоведение», вы попадаете в мир, где за каждым углом вас подстерегает смертельная опасность. Автор книги мастерски манипулирует базовым инстинктом самосохранения. Он не говорит: «Эти люди верят иначе». Он говорит в логике: «Эти люди хотят уничтожить вас, ваших детей и вашу страну». В тексте постоянно присутствуют маркеры угрозы. Религиозные организации описываются не как сообщества верующих, а как законспирированные боевые отряды или спящие ячейки врага. Читателю внушается мысль: мы живем на пороховой бочке.

Этот метод воздействия сродни тому, что в психологии называется «праймингом» или эффектом предшествования. Читателя заранее настраивают на восприятие любой информации о религиозных меньшинствах через призму страха. Если вы убедили человека, что в темной комнате сидит чудовище, то любой шорох будет воспринят им как начало атаки. «Сектоведение» создает именно такую темную комнату размером со всю страну.

Особенно цинично этот механизм работает в отношении родителей. Книга эксплуатирует самый глубинный страх — страх за детей. Нарратив о том, что «секты» охотятся за молодежью, чтобы превратить их в рабов или самоубийц, проходит красной нитью через все повествование. Это позволяет отключить критическое мышление у самой широкой аудитории. Когда речь идет о «спасении детей», доказательства не нужны. Нужны действия.

Призрак Уэйко: Оправдание огня

Краеугольным камнем мифологии страха в книге является интерпретация трагедии в Уэйко (Техас, 1993 год). Это событие используется автором как универсальное доказательство опасности «сект» и даже необходимости их силового подавления. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что версия, изложенная в «Сектоведении» и транслируемая российскими антикультистами, является отражением реальности, искаженным до неузнаваемости.

Группа «Ветвь Давидова», ответвление адвентистов седьмого дня, мирно проживала на ранчо «Маунт Кармел» почти 60 лет. Это были люди, жившие по своим религиозным канонам, не нарушавшие общественный порядок. Однако в начале 90-х годов против них была развернута мощная информационная кампания.

Антикультисты, используя СМИ, создали образ «Ветви Давидова» как вооруженной до зубов банды фанатиков, удерживающих заложников и насилующих детей. Шериф местного округа неоднократно заявлял, что доказательств насилия нет, а сам лидер общины Дэвид Кореш предлагал властям прийти и проверить их, в том числе на факт наличия у них оружия и лицензий. Но маховик демонизации уже был запущен, медийный «образ абсолютного зла» начал жить отдельной жизнью — быстрее и громче фактов.

В книге «Сектоведение» и лекциях, на ней основанных, Уэйко подается однозначно: безумная секта совершила массовое самоубийство, предварительно вступив в перестрелку с властями. Реальность же была сложнее. Трагедия стала результатом применения тактики «динамичного вторжения», навязанной ФБР так называемыми «экспертами»-депрограмматорами, в частности Риком Россом. По мнению исследователей именно консультации Росса убедили силовиков, что переговоры бесполезны и нужно применять силу. Результат известен: 76 погибших, включая 25 детей и младенцев. Они не совершили самоубийство — они сгорели в пожаре, возникшем в ходе штурма с применением танков и слезоточивого газа, или погибли от обстрела.

Но в мире «Сектоведения» эти детали опускаются. Уэйко превращается в жупел. Автор использует эту трагедию, чтобы внедрить в сознание российского читателя простую логическую цепочку:

1. Любая «секта» — это потенциальный Уэйко.
2. С ними нельзя договориться.
3. Превентивный удар — единственная защита.
4. Если в ходе штурма погибнут люди — это вина самих сектантов, так как они «фанатики-самоубийцы».

Это классическая манипуляция фактами для оправдания государственного насилия. Представляя жертв агрессорами, автор дает моральную индульгенцию на применение любой жестокости. «Смотрите, что они сделали в Америке! Вы хотите, чтобы это повторилось у нас?» — этот риторический вопрос висит в воздухе на каждой лекции антикультистов.

Технология «Вины по ассоциации»

Метод «вины по ассоциации» — это ядовитый газ, проникающий в любую щель. Суть этого приема проста и чудовищна: берется один негативный пример (реальный или вымышленный) и экстраполируется на все группы, попадающие под ярлык «секта».

В логике «Сектоведения» не существует разницы между кришнаитами, раздающими печенье, пятидесятниками, поющими псалмы, и террористами Аум Синрикё, распыляющими зарин в метро. Для автора все они — «одного поля ягоды».

Механизм работает следующим образом. Автор подробно, с смакованием кровавых деталей, описывает трагедию в Джонстауне (где погибло более 900 человек) или деятельность «Семьи» Чарльза Мэнсона. Читатель приходит в ужас. А затем, без какого-либо логического перехода, автор начинает главу о Свидетелях Иеговы или мормонах, используя ту же лексику, те же интонации и те же обвинительные конструкции.

В мозгу читателя формируется устойчивая связь: «Свидетели Иеговы = Джонстаун = Смерть». Хотя между этими группами нет ничего общего ни в теологии, ни в практике, эмоциональная склейка уже произошла.

Это один из самых удобных приемов пропаганды: он позволяет не обсуждать факты — он продает эмоцию. Он позволяет игнорировать реальные факты и поступки конкретных людей. Зачем разбираться, нарушил ли закон конкретный пастор, если он принадлежит к категории «секта», а в «сектах», как мы «знаем» из книги, убивают людей?

Эта технология позволяет ставить в один ряд пацифистов, отказывающихся брать в руки оружие, и экстремистов. Более того, именно пацифизм часто подается как скрытая угроза. «Они отказываются защищать Родину, значит, они предатели, значит, они работают на врага». Любое отличие от нормы трактуется как признак латентного терроризма.

Особенно ярко это проявляется в использовании термина «деструктивный культ». Это ярлык-пустышка, в который можно вложить все что угодно. Автор не утруждает себя доказательствами деструктивности. Достаточно просто поставить этот штамп рядом с названием организации. И вот уже группа, занимающаяся благотворительностью и реабилитацией наркозависимых, в глазах общественности превращается в банду убийц.

«Римская формула»: Алгоритм уничтожения

Исследуя структуру запугивания в книге, нельзя не заметить её сходство с историческими прецедентами. Профессор Массимо Интровинье описал механизм, который он назвал «Римской формулой». Это универсальный алгоритм репрессий, который использовался еще в Римской империи против первых христиан, а затем — в нацистской Германии и других тоталитарных режимах.

Формула состоит из трех этапов:

1. **Нетерпимость.**

2. **Дискриминация.**

3. **Преследование.**

Книга «Сектоведение» — это идеальное топливо для первого этапа, плавно переводящее общество ко второму и третьему.

На этапе **нетерпимости** (дегуманизации) автор создает образ врага. Здесь используются те самые метафоры «вируса», «раковой опухоли» и «сорняков», о которых мы говорили ранее. Но главное — это создание атмосферы страха. Нетерпимость питается страхом. Мы ненавидим то, чего боимся. Внушая читателю, что «секты» угрожают его существованию, автор делает нетерпимость социально одобряемой нормой. «Нельзя быть терпимым к чуме», — говорит подтекст книги.

На этапе **дискриминации** страх конвертируется в законы и административные практики. Если группа опасна (как утверждает «учебник»), значит, её нужно ограничить в правах. Запретить аренду залов, уволить с работы, лишить родительских прав. Книга дает теоретическое обоснование для этих действий. Чиновник, отказывающий религиозной группе в регистрации, делает это не из самодурства, а из страха, посеянного «Сектоведением». Он верит, что спасает район от «второго Уэйко».

Финальный этап — **преследование**. Это физическое насилие, аресты, тюремные сроки. И здесь книга играет роль индульгенции. Она объясняет, почему насилие необходимо. Когда ОМОН врывается в квартиру, это подается не как нарушение конституционных прав, а как болезненная, но необходимая операция по удалению опухоли.

«Сектоведение» не просто описывает этот процесс — оно его инициирует. Это спусковой крючок «Римской формулы».

Миссионеры в погонах: Индоктринация силовиков

Самый опасный аспект распространения идей, заложенных в книге, — это их целенаправленное внедрение в сознание сотрудников правоохранительных органов. Это не случайный процесс. Это стратегия.

Александр Новопашин, один из соратников Дворкина и видный деятель антикультового движения, открыто говорит, что он уже три десятка лет занимается миссионерской деятельностью, и сто проведение лекций, консультаций, бесед — в том числе с родственниками людей, оказавшихся в той или иной секте, с самими сектантами — это тоже миссионерство.

Под «миссионерством» здесь понимается не проповедь Евангелия, а инструктаж сотрудников полиции, ФСБ, прокуратуры и следственного комитета. Антикультисты стали штатными лекторами в академиях МВД.

Представьте себе аудиторию курсантов или действующих оперативников. Перед ними выступает «профессор», «эксперт». Он показывает слайды с трупами из Джонстауна, кадры пожара в Уэйко, рассказывает о зомбировании и контроле сознания. А затем говорит: «А вот список организаций, которые действуют в вашем городе и используют те же методы».

Что происходит в голове у полицейского? У него формируется установка: эти люди — не граждане, которых надо защищать. Это враги. Это скрытая угроза.

Полицейский, прошедший такую обработку, выезжая на вызов или проводя обыск у Свидетелей Иеговы, уже не видит перед собой бабушку с Библией. Он видит «агента деструктивного культа», «зомби», способного на все. Его уровень тревоги зашкаливает. Его рука тянется к кобуре. Любое движение, любое слово воспринимается как агрессия.

Именно так создается почва для эксцессов исполнителя. Жестокость при задержаниях, пытки, унижения — все это следствие страха, внушенного на таких лекциях. Силовиков убеждают, что они на войне. А на войне врага не жалеют. Если

представителю силовых органов заранее объяснили, что перед ним не «гражданин», а «носитель угрозы», он начинает действовать по военной логике, а не по правовой.

Результат мы видим в сводках новостей. Выбитые двери, люди, лежащие лицом в пол под дулами автоматов за чтение книг, реальные сроки за разговоры о Боге.

Медийный резонанс: Эхо страха

Книга «Сектоведение» не существует в вакууме. Она является идеологическим ядром, вокруг которого выстроена целая медийная экосистема. Журналисты, пишущие разоблачительные статьи о «сектах», часто даже не обращаются к первоисточникам. Они берут готовые штампы и конструкции из трудов Дворкина.

Так формируется замкнутый круг страха.

1. «Эксперт» пишет книгу, где называет группу опасной.
2. СМИ и антикультовые агенты в медиа подхватывают этот тезис, выпуская сенсационные репортажи с заголовками вроде «Осторожно: секты-убийцы!».
3. Общество, напуганное телесюжетами, требует от властей «принять меры».
4. Власти, опираясь на «общественный запрос» и «экспертное мнение» (того же автора), ужесточают законы и проводят репрессии.
5. СМИ отчитываются об успехах в борьбе с «экстремистами», еще больше закрепляя в сознании людей связь между верой и преступлением.

Особенно цинично выглядит использование темы школьных расстрелов (скулшутинга) и массовых убийств. Антикультисты часто пытаются привязать эти трагедии к влиянию «сект» или оккультизма, отвлекая внимание от реальных причин. Но ирония в том, что именно атмосфера ненависти и нетерпимости, которую они нагнетают, создает питательную среду для насилия.

Исследования показывают: освещение в СМИ событий массового насилия в определенном ключе может провоцировать «эффект заражения». Точно так же постоянное муссирование темы «сектантской угрозы» заражает общество

паранойей. Люди начинают видеть врагов везде. Уровень агрессии в обществе растет. И рано или поздно эта агрессия находит выход.

Психология жертвы и палача

Манипуляция страхом наносит удар не только по тем, кого преследуют, но и по тем, кто преследует. Общество, живущее в страхе, больно.

Книга «Сектоведение» культивирует в читателе состояние перманентного стресса. Ему внушают, что он незащищен перед лицом «психологических манипуляторов». Что его воля может быть сломлена в любой момент. Что его дети — легкая добыча.

Это формирует психологию осажденной крепости. Человек перестает доверять окружающим. Он ищет защиты у сильной руки, у «экспертов», которые обещают избавить его от этой невидимой угрозы. Так страх становится инструментом контроля в руках антикультовых групп. Напуганным обществом легко управлять. Люди готовы пожертвовать своими правами и свободами (и правами соседа) ради иллюзии безопасности.

Но самое страшное происходит с жертвами этой пропаганды — с самими верующими. На них проецируется коллективная тень общества. Все страхи, все неврозы, все темные стороны социума приписываются «сектантам».

В документах Нюрнбергского процесса есть свидетельства того, как нацистская пропаганда готовила немцев к Холокосту. Евреев не просто называли врагами. Их называли носителями болезней, угрозой для гигиены нации. Людям внушали физиологический страх перед контактом с ними.

«Сектоведение» использует те же регистры. *Homo jehovisticum*, «зомби» и прочие — это не просто оскорбления. Это маркеры опасности.

Цена иллюзии

Последствия работы этого механизма мы видим сегодня. Это разрушенные семьи, сломанные судьбы, люди в тюремных робах. Но есть и другое последствие —

невидимое, но не менее разрушительное. Это коррозия души самого общества. Общество, которое научили бояться и ненавидеть, теряет способность к развитию. Оно тратит все свои силы на борьбу с призраками.

В одном из российских городов во время обыска у верующего следователь нашел детские рисунки. На них были изображены лев и ягненок, лежащие рядом — библейский символ мира. Следователь, прошедший инструктаж по материалам «сектоведов», приобщил эти рисунки к делу как доказательство «психологической обработки несовершеннолетних» и «подготовки к эсхатологическому суициду». В его глазах, затуманенных страхом, даже мечта о рае превратилась в улику преступления.

Когда страх становится оптикой, через которую государство смотрит на своих граждан, любой символ мира превращается в объявление войны. И эта война уже идет в головах людей, прочитавших одну очень опасную книгу - "Сектоведение".

Глава 5: Социальное клеймо — от «изгоев» до «рабов»

Социальная смерть наступает тихо. Она не сопровождается воем сирен или стуком судейского молотка. Она приходит в виде внезапно замолчавшего телефона. В виде отведенных глаз коллег, которые еще вчера звали на обед, а сегодня делают вид, что не замечают вашего присутствия в коридоре. Она проявляется в родительском чате, где ваше имя вдруг становится токсичным, и в кабинете начальника, который, пряча взгляд, просит написать заявление «по собственному желанию», потому что «нам не нужны проблемы».

Книга «Сектоведение», лежащая на столах чиновников, педагогов и судей, делает гораздо больше, чем просто информирует о религиозных течениях. Она запускает механизм социальной сегрегации. Она проводит невидимую, но непреодолимую черту, отделяющую «нормальное общество» от «них».

Инженерия отчуждения: Механизм стигмы

В Древней Греции слово «стигма» означало физическое клеймо, выжигаемое или вырезаемое на теле раба, преступника или предателя. Это был знак для общества: этот человек — не такой, как мы. Он опасен. Он лишен прав. Его можно ударить, его можно не кормить, его можно убить без последствий.

Современное общество гордится тем, что отказалось от варварских практик. Мы не выжигаем знаки на лбу. Но мы научились делать это тоньше и эффективнее — с помощью информационных технологий и псевдонаучных авторитетов.

Книга, ставшая предметом нашего исследования, выполняет функцию раскаленного тавра. Автор не просто критикует учения; он создает систему маркеров, которые мгновенно обесценивают личность человека. Как только к кому-то применяется термин «сектант» (в значении, которое вкладывает в него данное пособие), все остальные характеристики этого человека стираются.

Он может быть талантливым хирургом, любящим отцом, честным налогоплательщиком, волонтером, спасающим бездомных животных. Но как только звучит слово «сектант», эти качества исчезают. В глазах общества он становится одномерным. Он — «зомби». Он — «агент». Он — «угроза». Социологический механизм этого процесса прост и страшен. Стигматизация работает как фильтр восприятия.

В тексте книги и в выступлениях "сектоведов" мы находим утверждение, что культы не обогащают человека, они только высасывают соки из общества, что это напоминает раковую опухоль, высасывающую соки из человеческого организма до его смерти.

Эта биологическая метафора не оставляет шансов на социальную интеграцию. С опухолью не дружат. Опухоль не берут на работу. Опухоль вырезают.

Миф о «зомби»: Лишение дееспособности

Фундаментом социальной смерти верующего является миф о «промывке мозгов» и «зомбировании». Автор «Сектоведения» настойчиво внедряет в

сознание читателя мысль: человек, попавший в «секту», теряет собственную волю. Он больше не субъект права, не личность, способная принимать решения. Он — управляемая кукла.

Это имеет катастрофические последствия в реальной жизни. Ведь если у человека нет свободы воли, значит, его выбор веры — не настоящий. Его отказ от переливания крови, его диетические предпочтения, его желание жертвовать деньги на строительство храма — все это трактуется не как проявление свободы совести, а как результат манипуляции.

Это создает парадокс «презумпции недееспособности». Верующему отказывают в праве на его собственные мысли.

— «Я счастлив в своей вере», — говорит человек.

— «Тебе внушили, что ты счастлив», — отвечает общество, вооруженное «Сектоведением».

— «Я хочу воспитывать детей в своих традициях», — говорит родитель.

— «Ты зомбирован и калечишь психику детей», — отвечает опека.

Этот миф блокирует любые социальные лифты. Зачем брать на ответственную должность человека, у которого «промыты мозги»? Как можно доверить ему управление коллективом или финансами? Создается образ «психически изувеченного» инвалида, которому место в лечебнице, а не в офисе или на кафедре.

Японский опыт, где на основе подобных теорий человека держали в заключении 12 лет ради «депрограммирования», показывает, к чему ведет эта логика. В России, благодаря широкому распространению идей книги, мы видим «мягкий» вариант того же процесса: вероятно, человека не запирают в комнате, но перед ним закрывают все двери.

«Сектологи по вызову»: Разрушение семей

Самый болезненный удар наносится там, где человек наиболее уязвим — в его семье. Книга «Сектоведение» стала настольным пособием для ведения бракоразводных войн.

Сценарий типичен и трагичен. В семье возникает конфликт на религиозной почве (или религия используется как предлог при разделе имущества). Один из супругов обращается к адвокатам, специализирующимся на «антисектантских» делах. И в суд вызывается эксперт-религиовед, чья квалификация часто ограничивается прочтением трудов Дворкина или участием в его семинарах.

Появился даже циничный термин — «РАЦИРС по вызову» (РАЦИРС — Российская ассоциация центров изучения религий и сект, возглавляемая автором книги «Сектоведение»). Суть услуги проста: обеспечить «научное» обоснование того, почему ребенка нельзя оставлять с верующим родителем.

В суде такой эксперт не говорит о конкретных отношениях отца или матери с ребенком. Он не проводит психологическую экспертизу привязанности. Он просто цитирует «Сектоведение». Он заявляет: «Данная организация является тоталитарной сектой. Согласно авторитетным источникам, в ней практикуется подавление личности, контроль сознания и разрушение семейных связей. Оставление ребенка в такой среде опасно для его психического здоровья».

Судьи, часто не имеющие времени и желания разбираться в тонкостях теологии, воспринимают эти слова как истину. Срабатывает тот самый механизм страха, о котором мы говорили ранее: «Лучше перестраховаться».

Матери теряют детей только потому, что читают Библию в переводе, который не нравится эксперту. Отцы лишаются возможности видеть сыновей, потому что их вегетарианство трактуется как «пищевое насилие».

Это не единичные случаи. Это конвейер. Книга «Сектоведение» дала юридическое и моральное оправдание для разрушения семей. Она вооружила одну часть общества против другой, превратив самых близких людей — супругов, родителей, детей — в непримиримых врагов.

Экономическая блокада: Клеймо «Неудачника»

Помимо юридического давления, существует мощный экономический прессинг. Автор книги старательно создает образ адепта «секты» как социального неудачника, маргинала, человека, выброшенного на обочину жизни.

Этот нарратив формирует у работодателей четкую установку: верующие «нетрадиционных» конфессий — это плохие работники. Они ненадежны, конфликтны, странны.

Например, в Европе в 1990-е шли кампании, в которых организации и бизнесы, связанные с саентологией, пытались изолировать административно и репутационно; «серые списки» и неформальные предупреждения нередко работали эффективнее прямых запретов. В России эта практика также существует де-факто.

Службы безопасности крупных корпораций и государственных структур проверяют кандидатов. Если выясняется, что соискатель посещает собрания Свидетелей Иеговы (признанных экстремистскими), кришнаитов или неопятидесятников, его резюме, как правило, отправляется в корзину.

Типовой сценарий может выглядеть и так: «доброжелатель» звонит начальнику, используя антисектантскую риторику, добавляет вымышленные подробности (участие сотрудника в «преступной секте», детали вымышленных ритуалов и так далее) — и руководитель, не желая скандалов, предпочитает избавиться от «риска». «У нас серьезная фирма, нам не нужны слухи», — говорит он. Человек теряет работу. Когда он пытается устроиться в другие места, ситуация повторяется. За ним тянется шлейф «неблагонадежности».

Так создается искусственная маргинализация. Людей вытесняют в «серую» зону, на низкооплачиваемые работы. А потом антикультисты, используя это, показывают на них пальцем и говорят: «Смотрите, в сектах одни неудачники!».

Дети под прицелом: Школьная травля

Но самое страшное происходит в школах. Дети верующих становятся заложниками ярлыков, навешанных на их родителей.

Школьные учителя и психологи часто черпают информацию о «духовной безопасности» именно из материалов, основанных на книге «Сектоведение». На курсах повышения квалификации им рассказывают о признаках вовлечения детей в «деструктивные культы».

Вместо педагогического подхода включается режим «спасения». Учитель начинает настраивать класс против «странного» ученика. В родительских чатах начинаются обсуждения: «А вы знаете, что родители Пети — сектанты? Они могут и наших детей завербовать! Надо убрать его из класса».

Известны случаи, когда в окно детской спальни семьи верующих была брошена бутылка с зажигательной смесью. Это произошло не в зоне боевых действий, а в мирном городе. Этому предшествовала кампания травли в местных соцсетях, где публиковались адреса и фотографии семьи с подписями в духе «Осторожно, секта!».

Дети, проходящие через такой остракизм, получают тяжелейшие психологические травмы. Они растут с ощущением, что мир их ненавидит. Что они виноваты в том, что верят в Бога иначе, чем большинство. И это чувство отверженности, посеянное в детстве, дает горькие плоды.

Желтая звезда ХХІ века

Исторические параллели напрашиваются сами собой, и игнорировать их — значит закрывать глаза на реальность. То, что происходит сегодня с религиозными меньшинствами в России, пугающе напоминает процессы, происходившие в Германии 1930-х годов.

Тогда евреев сначала лишили человеческого облика в прессе. Их называли крысами, паразитами, угрозой нации. Им запретили работать врачами, учителями, юристами. Их поместили желтыми звездами. Обществу внушили, что эти люди — источник всех бед. И когда начались погромы и депортации, большинство немцев восприняло это равнодушно или даже с одобрением. «Так надо. Они же опасны».

Сегодня роль «желтой звезды» выполняет ярлык «тоталитарная секта». Он невидим, но он так же эффективно отделяет человека от общества.

Списки «деструктивных организаций», гуляющие по интернету и кабинетам чиновников, включают в себя не только религиозные группы, но и коммерческие компании, образовательные центры, психологические тренинги. Миллионы людей оказываются под подозрением.

Homo Jehovisticum: Социальная резервация

Вернемся к термину *homo jehovisticum*. В предыдущих главах он был рассмотрен как лингвистическая уловка. Теперь посмотрим на него как на социальный приговор.

Объявляя верующих отдельным биологическим видом, автор фактически призывает к созданию резерваций. Если они — «не мы», если они — «мутанты» с «жвачным» мышлением, то им нет места в нашем мире. Это логика апартеида.

— *Homo jehovisticum* не должен учить наших детей.

— *Homo jehovisticum* не должен лечить наших больных.

— *Homo jehovisticum* не должен служить в армии (хотя они и сами отказываются, но здесь важен мотив: им нельзя доверить оружие, они предатели).

Общество начинает выдавливать этих людей. Им отказывают в аренде помещений для богослужений. Их дома молитвы сносят бульдозерами или конфискуют. Их литературу сжигают или отправляют в спецхран. Человек, оказавшийся внутри этой стигмы, чувствует себя как в вакууме. Он идет по улице, и ему кажется, что у него на лбу горит клеймо. Он боится говорить о своей вере, потому что знает: за этим последует не интерес, а агрессия. Он учится скрываться. Он уходит в «подполье».

Так книга, призванная якобы «защитить общество», на самом деле раскалывает его, создавая огромную прослойку людей, живущих в страхе и отчуждении.

Эпидемия доносов

Атмосфера, созданная «Сектоведением», реанимировала еще один призрак прошлого — культуру доносов. В нацистской Германии граждане писали в гестапо на соседей, если те не вывешивали флаг или слушали иностранное радио. В современной России «бдительные граждане» пишут в полицию и прокуратуру, если соседи поют псалмы или читают Библию.

В архивах есть пример из 1937 года: некий житель Лейпцига написал донос на адвентистов, требуя запретить их, так как они «отказываются от военной службы и голосования». Через два дня организация была запрещена. Сегодня история повторяется с пугающей точностью. Антикультовые активисты, часто называющие себя «православными правозащитниками», рассылают типовые заявления в органы власти. Они требуют проверить ту или иную группу на экстремизм, цитируя при этом пассажи из книги Дворкина.

Эти люди искренне верят, что совершают благое дело. Они не видят в своих действиях подлости. Они видят «гражданскую позицию». Антикультовая риторика убедила их, что они на войне, а на войне донос на врага — это подвиг разведчика.

Цена ненависти

Мы видим, как слово, брошенное с кафедры, превращается в камень, брошенный в окно. Как теоретическая конструкция о «деструктивности» становится основанием для увольнения отца семейства. Как миф о «зомбировании» позволяет отобрать ребенка у любящей матери. Социальное клеймо — это не просто неприятность. Это форма гражданской казни. Человека не убивают физически, но его убивают социально. Его вычеркивают из списков живых, полноценных членов общества.

И самое страшное, что это делается руками обычных людей. Не палачей в масках, а учителей, врачей, соседей, клерков. Тех, кто прочитал «учебник» и поверил, что рядом с ними живут монстры.

В залах судов и комиссий по трудовым спорам иногда происходит сцена, которая повторяется с пугающей узнаваемостью. Работник — учительница, воспитательница, медсестра — пытается оспорить увольнение или травлю, начавшуюся после того, как стало известно о её «не той» религиозной принадлежности. Формально на бумаге — дисциплина, «конфликт в коллективе», «утрата доверия», «жалобы родителей». А по сути — клеймо.

И вот тогда в качестве «объяснения» и почти как суррогат доказательства начинают звучать готовые формулы: про «деструктивные культы», «деформацию личности», «угрозу детям», «духовную безопасность». Иногда на стол ложатся

распечатки, брошюры, главы из книг — не как научный материал для анализа, а как моральный приговор. Не важно, сколько у человека грамот, сколько лет стажа, сколько благодарностей. В этот момент всё это начинает проигрывать одному ярлыку.

И дальше случается то, что страшнее самого решения: спор перестаёт быть спором о трудовых правах и превращается в суд над идентичностью. В таких делах человек часто выходит из зала уже не «истцом», а «подозреваемым» — с ощущением, что он оправдывался за сам факт своего существования.

Глава 6: Юридический вердикт — вне закона?

В зале Ленинского районного суда города Томска стоит тишина, но она обманчива. Это не тишина спокойствия, а вакуум, возникающий перед катастрофой. На столе судьи лежит книга. На этот раз это не «Сектоведение», а древний текст в твердом переплете с золотым тиснением — «Бхагавад-гита как она есть». Рядом с ней — стопка бумаг, скрепленных канцелярской скрепкой. Это экспертное заключение.

На дворе 2011 год. Впервые в истории России, да и, пожалуй, всего цивилизованного мира, на скамье подсудимых оказалась не преступная группировка, не террористическая ячейка, а священное писание, почитаемое миллиардом людей. Прокурор, молодой человек с уставшим лицом, монотонно зачитывает обвинение. Суть его сводится к тому, что комментарии к этому тексту, написанные в середине XX века индийским проповедником Бхактиведантой Свами Прабхупадой, являются экстремистскими.

Но если присмотреться к документам, лежащим в основе обвинения, мы увидим невидимые нити, тянущиеся из этого провинциального зала суда в московские кабинеты, в офисы одной конкретной общественной организации. Этот суд — не случайность. Это генеральная репетиция. Это краш-тест новой

юридической технологии, призванной превратить судебную систему в инструмент идеологической зачистки.

Прежде чем погрузиться в детали томского процесса, необходимо провести мысленный эксперимент. Давайте возьмем книгу Александра Дворкина «Сектоведение», которая де-факто служит методическим пособием для экспертов и следователей, и положим её на весы Фемиды. Давайте применим к ней те же лекала, которые применяются к религиозной литературе меньшинств.

Российское законодательство, в частности Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и статья 282 Уголовного кодекса РФ, дает четкое определение экстремизма. Это действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии.

Открываем «Сектоведение».

Независимая комплексная юридико-лингвистическая экспертиза, проведенная специалистами, не связанными с антикультовым лобби, выявляет в тексте системные признаки экстремистской деятельности. Это не единичные оговорки, а фундамент повествования.

Во-первых, **создание образа врага**. Как мы видели ранее, автор использует дегуманизирующие метафоры. Сравнение религиозных групп с «раковой опухолью», «инфекцией» и «сорняками» — это классический язык вражды, описанный в международных правовых документах, включая Рамочное решение Совета ЕС 2008 года. С точки зрения права, название социальной группы «опухолью» — это призыв к её физическому устранению, так как опухоли не лечат уговорами, их вырезают.

Во-вторых, **унижение достоинства**. Термины вроде *homo jehovisticum*, «зомби», «биороботы» прямо нарушают диспозицию статьи 282 УК РФ. Они отказывают группе лиц в человеческом достоинстве на основании их отношения к религии.

В-третьих, **обвинение в криминальных намерениях без доказательств**. Утверждения о том, что группы готовят массовые самоубийства,

работают на иностранные разведки или стремятся к захвату власти, создают атмосферу паники и провоцируют агрессию. Согласно Плану действий Рабата (документ ООН по запрету подстрекательства к ненависти), такие высказывания квалифицируются как подстрекательство к дискриминации и насилию, поскольку они создают неизбежный риск причинения вреда стигматизируемой группе.

Парадокс заключается в том, что книга, содержащая концентрированный экстремизм, не только свободно продается, но и рекомендуется в качестве учебного пособия в вузах МВД и духовных семинариях. Система смотрит в зеркало, видит там экстремиста, но отказывается его узнавать. Вместо этого она берет это зеркало и использует его как щит. Почему это происходит? Потому что в России сложилась уникальная правовая аномалия: источником права в делах о религии стал не закон, а мнение частных лиц, присвоивших себе статус «государственных экспертов».

Механизм круговой поруки: Архитектура псевдоэкспертизы

Чтобы понять, как стал возможен суд над «Бхагавад-гитой», нужно разобраться в том, как устроена индустрия судебных экспертиз в религиозной сфере.

В 2009 году произошел тектонический сдвиг. Александр Дворкин, человек без профильного религиоведческого образования (его диссертация посвящена средневековой истории и Ивану Грозному), был избран председателем экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Одним из его заместителей стал Роман Силантьев. Это назначение фактически легализовало радикальный антикультизм на государственном уровне.

С этого момента заработал механизм, который юристы называют «круговой порукой доказательств» или «отмыванием мнений». Схема работает следующим образом:

1. **Заказ.** Часто после «миссионерской» лекции или по сигналу «бдительных граждан» из РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект), в государственных структурах решается, что нужно возбудить дело против религиозной группы.

2. Поиск эксперта. Следователю нужно обоснование. Он не может просто написать: «Мне не нравятся кришнаиты». Ему нужна бумага с печатью. Он обращается к экспертам. Но не к академическим ученым из РАН или МГУ, которые дадут взвешенный анализ. Он обращается к тем, кого рекомендует РАЦИРС.

3. Производство экспертизы. Эксперт садится писать заключение. На что он опирается? Научных работ, доказывающих экстремизм кришнаитов или пятидесятников, не существует. Поэтому эксперт берет книгу антикультовые материалы и информацию.

4. Легализация. Эксперт переписывает тезисы Дворкина наукообразным языком, вставляет цитаты из его книги как «авторитетный источник» и ставит свою подпись.

5. Судебное решение. Судья получает экспертизу. Для него это истина в последней инстанции. Он переносит выводы эксперта в приговор.

6. Замыкание круга. Дворкин в своих следующих лекциях и статьях ссылается на решение суда как на доказательство своей правоты: «Видите, суд признал их экстремистами!».

Так частное мнение, полное ненависти и предрассудков, проходит через юридическую «стиральную машину» и превращается в судебный прецедент.

Томский прецедент

Процесс над «Бхагавад-гитой» в Томске стал идеальной иллюстрацией того, как этот механизм дает сбой, когда сталкивается с реальностью, выходящей за рамки местечковых разборок. Все началось в 2010 году. Сотрудник УФСБ по Томской области Дмитрий Великоцкий обратился к декану философского факультета Томского государственного университета (ТГУ) Сергею Аванесову с просьбой дать заключение по книге «Бхагавад-гита как она есть».

Обратите внимание на уровень компетенции: спецслужба просит философов оценить текст на предмет уголовного преступления. Аванесов привлек своих коллег — Валерия Свистунова и Валерия Наумова. То, что произошло дальше, можно было

бы назвать комедией, если бы на кону не стояли судьбы людей и международные отношения.

В ходе судебных заседаний, начавшихся в августе 2011 года, выяснились шокирующие подробности того, как готовилась эта «экспертиза». Валерий Свистунов, кандидат философских наук, под присягой признался, что до начала работы над экспертизой он эту книгу... не читал. Он был знаком с ней «с 1980-х годов», но прочел только сейчас, получив заказ. Более того, он заявил, что при проведении исследования пользовался материалами с антисектантских сайтов и не рассматривал альтернативную позицию. Представьте себе хирурга, который перед операцией гуглит «как вырезать аппендицит» на форуме любителей народной медицины. Именно так поступили томские эксперты.

В суде вскрылся факт плагиата. Текст экспертизы местами совпадал со статьями на православных апологетических ресурсах, критикующих индуизм. Цитаты из «Бхагавад-гиты» были вырваны из контекста или искажены. Эксперты приписывали тексту то, чего в нем не было, путая комментарии Прабхупады с основным текстом древнего эпоса. Но самым абсурдным было обвинение в экстремизме на основании утверждения об «истинности» своей веры. Эксперты сочли, что слова Кришны о том, что те, кто не поклоняется Богу, являются «глупцами», разжигают ненависть.

Защита, представленная адвокатами и привлеченными учеными (среди которых были известные религиоведы Николай Карпицкий, Сергей Иваненко, Екатерина Элбакян), задавала резонный вопрос: «Если мы будем судить священные тексты за слова о “глупцах” и “неверных”, нам придется запретить Библию, Коран и Тору. В любой религии есть понятие истины и заблуждения». Однако прокуратура, ведомая логикой «Сектоведения», настаивала: это не религия, это «сектантская литература», а значит, к ней применимы другие стандарты.

Кемеровский фарс: «Копипаст» как метод науки

Когда стало очевидно, что томская экспертиза разваливается на глазах (в суде проявились серьёзные дефекты и противоречия томского заключения), суд назначил новую экспертизу. На этот раз — в Кемеровском государственном

университете. Казалось бы, шанс исправить ошибку. Но система работает только в одну сторону.

Кемеровская комиссия в составе лингвиста Михаила Осадчего, психолога Сергея Дранишникова и религиоведа Алексея Горбатова выдала документ, который войдет в историю как памятник научной недобросовестности. Религиовед Горбатов честно написал: экстремизма в книге нет. Но лингвист и психолог нашли его. При этом, как заметили адвокаты, тексты исследовательской части у лингвиста и психолога совпадали местами слово в слово. Это был банальный «копипаст». Два разных специалиста, использующих разные научные методы, написали идентичный текст с одинаковыми грамматическими оборотами.

Они пришли к выводу, что книга содержит высказывания, оскорбительные «для неопределенной группы лиц», и обосновывает необходимость «ограничения свободы женщин». Последнее звучало особенно цинично, учитывая, что в Индии, где эта книга является священной, женщина занимала пост президента и премьер-министра. Этот документ на 40 страницах стал квинтэссенцией метода: подгонка задачи под ответ. Ответ был известен заранее — «запретить». Нужно было только придумать «почему».

Дипломатическое цунами

Томские прокуроры и их антикультовые консультанты, вероятно, думали, что имеют дело с очередной маргинальной группой, которую можно тихо «прихлопнуть» в районном суде. Они просчитались. Они забыли, что «Бхагавад-гита» — это не брошюра самиздата. Это сердце индийской культуры. Когда новости о суде достигли Дели, разразился скандал. В индийском парламенте вспыхнули протесты, заседания срывались. Депутаты всех фракций, забыв о разногласиях, требовали от правительства защитить национальное достояние.

Министр иностранных дел Индии С.М. Кришна назвал происходящее «абсурдом» и «оскорблением». У российского посольства в Дели прошли демонстрации — впервые в истории дружественных отношений двух стран индийцы жгли не американские, а российские флаги (или, по крайней мере, выходили с антироссийскими лозунгами).

Глава Ассоциации индийцев в России Санджит Кумар Джха, прилетевший в Томск, с горечью говорил журналистам: «Это скорбь для нас, когда священная книга на суд выносится».

Система, привыкшая давить «сектантов» в тишине, вдруг оказалась под светом прожекторов мировой дипломатии. Российский МИД был вынужден оправдываться, объясняя индийским коллегам, что томский суд — это «независимая ветвь власти», но намекая, что безумие будет остановлено. В итоге суд отказал прокуратуре. «Здравый смысл восторжествовал», — заявила тогда уполномоченный по правам человека в Томской области Нелли Кречетова, которая с самого начала называла процесс «позорным».

Но это была пиррова победа. Механизм не был сломан. Он просто временно отступил, чтобы перегруппироваться.

Статья 307: Мертвая норма

Главный вопрос, который возникает после знакомства с материалами томского дела: почему эксперты, написавшие заведомо ложные, списанные с интернета заключения, не понесли наказания?

Уголовный кодекс РФ содержит статью 307: «Заведомо ложные показание, заключение эксперта». Наказание — до 5 лет лишения свободы. Казалось бы, вот инструмент для очищения системы. Но на практике эта статья мертва. Доказать «заведомость» лжи в гуманитарной экспертизе практически невозможно.

— «Я так вижу», — говорит эксперт. — «Это моя научная позиция».

— «Но вы списали это с сайта!»

— «Я использовал доступные источники».

— «Но ваши выводы противоречат логике!»

— «Я принадлежу к особой научной школе».

Эта «особая научная школа» — школа сектоведения. Она создала «серую зону», в которой можно писать любую чушь, ломать жизни людей, запрещать книги и организации, и при этом оставаться абсолютно безнаказанным.

Ни томские, ни кемеровские эксперты не были привлечены к ответственности. Более того, они продолжили преподавать, писать новые заключения и получать государственные гранты. Профессор Николай Карпицкий публично ставил вопрос об ответственности экспертов и предлагал юридические механизмы (в т.ч. через ст. 307), но наткнулся на глухую стену корпоративной солидарности правоохранительной системы. Система своих не сдает.

Экспертиза как оружие массового поражения

Томский процесс — это лишь вершина айсберга. Под водой скрыты сотни, тысячи подобных экспертиз, которые не вызвали международного скандала, но разрушили жизни конкретных людей.

В Таганроге на основании аналогичных «экспертиз» была запрещена община Свидетелей Иеговы. Эксперты там использовали формулировки вроде: «Проведенный анализ... не позволил однозначно выявить наличие экстремистского содержания». Но суд все равно вынес обвинительный приговор, опираясь на выборочные цитаты. Это технология юридического террора. Суд перестает быть местом состязания сторон и установления истины. Он превращается в конвейер по штамповке решений, написанных под диктовку идеологов нетерпимости.

Философ Алексей Тимощук точно подметил: «Закон становится “прокрустовым ложем”, готовым стать в нечистоплотных руках настоящим оружием».

Статья 282 УК РФ, задуманная как щит против неонацизма и ксенофобии, в руках «сектоведов» превратилась в меч, направленный против мирных верующих. Происходит чудовищная подмена понятий: экстремистами объявляют тех, кто отказывается брать в руки оружие, кто проповедует любовь и ненасилие только потому, что их вера «неправильная» с точки зрения одного конкретного «учебника».

Пикеты Рэя Брэдбери

В дни суда в Томске на улице стояли одиночные пикетчики. Это были не только кришнаиты. Это были правозащитники, студенты, просто неравнодушные граждане. В руках они держали плакаты с цитатами из романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

«Где сжигают книги, там скоро будут сжигать людей».

Эта фраза Генриха Гейне, ставшая эпиграфом к антиутопии Брэдбери, звучала в морозном сибирском воздухе как пророчество. Томский суд не сжег «Бхагавад-гиту». Но он показал, что спички уже готовы. Керосин разлит. И люди, готовые чиркнуть спичкой, сидят не в подворотнях, а в кабинетах экспертов и за судейскими столами. Они вооружены не дубинками, а дипломами и печатями. Они говорят на псевдонаучном новоязе, изобретенном в книге «Сектоведение». И они искренне верят, что защищают закон, попирая его каждым своим словом.

Когда процесс закончился, прокурор вышла из зала суда. Она выглядела растерянной. Возможно, она впервые столкнулась с силой, которую нельзя упаковать в уголовное дело — с силой культуры и здравого смысла. Но машина, частью которой она была, не остановилась. Она просто сменила цель.

Глава 7: Границы слова и последствия ненависти

Когда мы закрываем последнюю страницу книги «Сектоведение», остается странное послевкусие. Это не удовлетворение от полученных знаний и не интеллектуальное утомление от сложного научного текста. Это ощущение тяжести. Словно вы держали в руках не бумагу и картон, а кусок радиоактивного изотопа,

который, будучи помещенным в социальную среду, начинает невидимую, но смертоносную цепную реакцию.

История человечества — это кладбище цивилизаций, которые погибли не от внешнего вторжения, а от внутреннего яда ненависти. И этот яд всегда упаковывался в красивые обертки «защиты традиций», «духовной безопасности» и «очищения нации». Книга, ставшая объектом нашего анализа, — это не просто локальный российский феномен. Это симптом глобальной патологии, рецидив болезни, которая, как нам казалось, была побеждена в 1945 году.

Генеалогия тьмы: Наследие, которое мы не заметили

Чтобы понять будущее, которое готовит нам идеология антикультизма, нужно внимательно посмотреть в ее прошлое. Автор «Сектоведения» позиционирует себя как исследователь, стоящий на страже христианских ценностей. Однако документальный анализ источников его вдохновения вскрывает пугающую преемственность, о которой не принято говорить на лекциях в полицейских академиях.

Нити ведут в Европу начала XX века. В 1921 году немецкий богослов Вальтер Кюннет возглавил Апологетический центр (Apologetische Centrale). Официальной целью центра была защита веры. Реальной практикой стала систематизация ненависти. Кюннет и его коллеги занимались составлением списков «вредных сект», сбором компромата и разработкой теоретической базы для их запрета.

Когда к власти пришли национал-социалисты, наработки Кюннета не были выброшены на свалку. Напротив, они стали фундаментом для репрессивной машины Третьего рейха. Гестапо и СД не нужно было изобретать велосипед — у них уже были готовые списки «врагов рейха», подготовленные «сектоведами» того времени.

Исторические документы, в частности директивы Рейнхарда Гейдриха, показывают, как теоретические выкладки богословов превращались в полицейские инструкции: «Все организации, клубы, объединения, кружки и тому подобное, без исключения, будут ликвидированы... Лица, посвящённые в тайные учения и науки... во всех случаях подлежат аресту... В каждом случае они должны быть

отправлены в концлагерь». Эта директива — прямая реализация идей борьбы с «сектантской угрозой».

Современный российский антикультизм — это не изобретение Александра Дворкина. Это франшиза. Идеологическая линия прослеживается четко: Вальтер Кюннет передает эстафету Фридриху-Вильгельму Хааку, тот — Йоханнесу Огорду, датскому профессору, который стал ментором и учителем для российских «сектоведов».

Огорд, чьи идеи лежат в основе антикультовой идеологии, в своем программном эссе сформулировал принцип, который фактически отменяет презумпцию невиновности для верующих. Он, по сути, утверждал, что судить нужно не за поступки, а за убеждения.

Эта логика — «преступмысли» по Оруэллу — сегодня реализуется в России. Когда человека сажают в тюрьму за чтение Библии в кругу друзей, это происходит потому, что суд, руководствуясь антикультовой логикой, считает само это чтение «продолжаемым преступлением».

Мы наблюдаем не просто сходство риторики. Мы видим возрождение методологии. То, что исследователи называют «Четвертым рейхом», — это не обязательно марширующие колонны со свастиками. Это глобальная сеть идеологов, внедряющих в демократические институты вирус нетерпимости. Это «интеллектуальный фашизм», который действует тоньше, прикрываясь правами человека и защитой детей, но преследует ту же цель: унификацию мышления и физическое устранение инакомыслия.

Анатомия подстрекательства: Тест Рабата

Юристы-международники часто сталкиваются с проблемой: где проходит грань между свободой слова и языком вражды? Чтобы ответить на этот вопрос, ООН разработала «Рабатский план действий» — систему критериев для оценки опасности публичных высказываний. Если мы приложим эту линейку к книге «Сектоведение», результат будет однозначным. Текст проваливает тест по всем шести пунктам.

• **Контекст.** Книга распространяется в условиях нарастающего государственного давления на меньшинства, служа катализатором репрессий.

• **Статус автора.** Автор выступает как государственный эксперт, глава совета при Минюсте, профессор.

• **Намерение.** Анализ текста выявляет системное, осознанное намерение дискредитировать группы, вызвать к ним отвращение и страх. Это не случайные оговорки, это стратегия.

• **Содержание.** Использование дегуманизирующей лексики и обвинений в тяжких преступлениях без доказательств.

• **Степень гласности.** Книга издается массовыми тиражами, доступна в библиотеках, используется как учебник.

• **Вероятность реализации.** Идеи книги реально воплощаются в насилие: погромы, поджоги, аресты, лишение родительских прав.

Экспертное заключение, проведенное на основе этих критериев, гласит: «Исследованный текст имеет ярко выраженную враждебную направленность... и содержит комплекс психолого-лингвистических признаков, характерных для “языка вражды” (hate speech)... Авторские выводы, такие как “никаких нравственных препятствий для геноцида у иеговистов нет”... являются мощным средством имплицитного побуждения к вражде».

Это не просто «плохая книга». Это задокументированное свидетельство преступления против человечности. Это инструкция по созданию атмосферы, в которой насилие становится неизбежным.

Эффект Руанды: От слова к мачете

Самый страшный урок, который преподносит нам история геноцидов, заключается в том, что убийства начинаются не с выстрелов. Они начинаются с метафор. В Руанде перед началом резни радио «Тысячи холмов» месяцами называло народ тутси «тараканами». Не людьми, не соседями, а насекомыми. Вредителями. Когда пропаганда убедила большинство, что тутси — это тараканы,

убийство перестало быть моральной проблемой. Тараканов не убивают — их травят. Это санитарная мера. Риторика «Сектоведения» выполняет ту же функцию. Когда автор называет религиозные группы «инфекцией», «вирусом», «сорняками» или «раковой опухолью», он отключает у читателя эмпатию.

«Холокост начался не с газовых камер, а геноцид в Руанде начался не с убийств. Он начался с дегуманизации определённой группы людей». Эти слова Адама Дьенга, специального советника ООН по предупреждению геноцида, должны быть напечатаны на обложке каждого экземпляра «Сектоведения» как предупреждение.

Мы видим, как эта дегуманизация работает на практике. В Китае преследование последователей Фалуныгун, обоснованное той же антикультовой риторикой о «злых культах», привело к чудовищным последствиям. Существуют многочисленные свидетельства и отчеты международных организаций о практике насильственного изъятия органов у живых заключенных — последователей этого движения. Для врача, совершающего такое, пациент на столе — не человек. Это «сектант», «элемент», биомасса. Идеология антикультизма дала моральную индульгенцию на расчленение живых людей.

В России мы уже видим пытки в колониях, избиения при задержаниях, унижения в судах. Мы видим, как общество равнодушно взирает на то, как стариков и женщин отправляют за решетку. Почему общество молчит? Потому что ему объяснили: это не бабушки. Это «агенты влияния». Это «зомби». Их не жалко.

Глобализация репрессий: Паутина FECRIS

Было бы ошибкой считать, что проблема ограничивается одной страной. Идеология, изложенная в книге, является частью глобальной сети. Организация FECRIS (Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве), вице-президентом которой долгое время являлся Александр Дворкин, действует как международный хаб по обмену опытом репрессий.

Эта структура, финансируемая в том числе за счет государственных грантов (в частности, во Франции), занимается экспортом нетерпимости. Методички, разработанные во Франции, переводятся и адаптируются в Москве, и наоборот.

Российский опыт запрета Свидетелей Иеговы активно изучается антикультистами в других странах как «успешный кейс».

Мы наблюдаем опасный феномен: глобализацию антикультизма. Если раньше диктатуры учились друг у друга методам подавления политической оппозиции, то теперь демократические страны заражаются вирусом религиозной нетерпимости через такие организации, как FECRIS. Под прикрытием «защиты прав человека» создается система, которая эти права уничтожает. Антикультисты лоббируют законы, позволяющие вмешиваться в личную жизнь, контролировать убеждения и разрушать ассоциации граждан. Это ползучая эрозия демократии.

«Какую “крысиную тропу” они выберут на этот раз? Какой бы путь они ни избрали, им стоит помнить: списки тех, кто бежал по этим маршрутам, хранятся и по сей день». Эти слова из расследования деятельности антикультистов напоминают о неизбежности ответственности. История знает примеры, когда идеологи, казавшиеся неприкасаемыми, оказывались на скамье подсудимых. Нюрнбергский процесс судил не только тех, кто открывал вентили в газовых камерах, но и тех, кто писал статьи в *Der Stürmer*. Юлиус Штрейхер был повешен не за то, что убил кого-то своими руками, а за то, что своими словами сделал убийство возможным.

Ответственность элит: Соучастники в галстуках

Книга «Сектоведение» не стала бы оружием массового поражения, если бы осталась уделом маргинальных форумов. Ее трагедия — в ее легитимизации. Главные виновники того, что этот текст стал руководством к действию, — не только автор, но и те, кто открыл ему двери. Ректоры университетов, включившие книгу в учебные планы. Чиновники Минюста, утвердившие автора главой экспертного совета. Генералы МВД и ФСБ, приглашающие «сектоведов» читать лекции личному составу. Журналисты, бездумно тиражирующие штампы о «зомби» и «вербовке».

Это коллективная безответственность элит. Они приняли троянского коня, не заглянув ему в зубы. Или, что еще хуже, заглянули и увидели там полезный инструмент для управления обществом. Ведь напуганным обществом, ищущим защиты от «сектантской угрозы», управлять гораздо легче. Но цена этого

управления — разрушение правовой системы. Когда суд принимает в качестве доказательства экспертизу, основанную на конспирологической книге, правосудие умирает. На его месте возникает инквизиционный трибунал. Если после получения обращений от граждан Генеральная прокуратура не принимает мер, возникает вопрос о её компетентности и возможном соучастии в этих преступлениях против человечества.

Точка невозврата

Мы стоим на пороге. Идеология, описанная в книге, уже принесла свои плоды: тысячи сломанных судеб, разрушенные семьи, люди в тюрьмах, эмиграция, страх. Но это может быть только началом. История учит, что маховик репрессий, однажды запущенный, трудно остановить. Сначала приходят за Свидетелями Иеговы. Потом за протестантами. Потом за йогами. Потом за теми, кто просто думает иначе. Список «тоталитарных сект» безразмерен, потому что критерии в нем не научные.

Книга «Сектоведение» — это зеркало, в которое смотрится современное российское общество. И отражение в этом зеркале пугает. Там мы видим оскал старых демонов, которых считали похороненными. Но зеркало можно разбить. Книгу можно закрыть. Идеологию можно отвергнуть.

Это расследование — не просто фиксация фактов. Это призыв к интеллектуальной гигиене. Мы должны научиться распознавать язык вражды, даже если он упакован в академическую обложку. Мы должны понять, что слова «секта», «зомби», «нетрадиционный» — это не термины. Это метки для прицела.

Каждый раз, когда мы слышим эти слова и молчим, мы делаем шаг навстречу новой Руанде, новому 1937 году. Каждый раз, когда судья подписывает приговор на основе псевдоэкспертизы, он подписывает приговор не подсудимому, а самой идее права.

Незнание больше не является оправданием. Мы знаем, откуда пришел этот текст. Мы знаем, кто его написал. И мы знаем, чем заканчиваются истории, которые начинаются с деления людей на «чистых» и «нечистых».

В зале суда гаснет свет. Уборщица протирает стол, смахивая пыль с обложки. Название книги блестит в полумраке. Завтра будет новый процесс. Новый подсудимый. И та же самая книга.

Если только кто-то не решится убрать ее со стола.

Источники

1. 4elove4e. (2017, 6 января). Преподавателя йоги будут судить за “миссионерскую деятельность” по “закону Яровой” / маразм крепчал. JoyReactor (polit.reactor.cc). <https://polit.reactor.cc/post/2939833>
2. ActFiles.org. (2024, July 14). Crimes of anti-cultism: The Waco siege. How the group of Americans, the Branch Davidians were demonized and killed (Part 1). ActFiles.org. <https://actfiles.org/crimes-of-anti-cultism-waco-branch-davidians-part-1/>
3. BBC News (Русская служба). (2019, 8 апреля). В России начали использовать “закон о фейках”. Первой стала Мизулина. <https://www.bbc.com/russian/news-47850601>
4. BBC News. Russian jails drop yoga ban. <https://www.bbc.com/news/blogs-news-from-elsewhere-47859256>
5. Congressional-Executive Commission on China. (2003, July 24). Will religion flourish under China’s new leadership? (House hearing, 108th Congress). Congress.gov. <https://www.congress.gov/event/108th-congress/house-event/LC74066/text>
6. Doctors Against Forced Organ Harvesting. (2018, June 25). Petition to the United Nations ended. DAFOH. <https://dafoh.org/petition-to-the-united-nations-ended/>
7. European Parliament. (2013, December 12). European Parliament resolution of 12 December 2013 on organ harvesting in China (2013/2981(RSP)). https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2013-0603_EN.html
8. Food and Agriculture Organization of the United Nations. [FAOLEX database entry]. <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC107198/>
9. Ghall.com.ua. (2021, 3 июня). Православный «викиликс»: самые эксцентричные горе-«религиоведы» Украины. <https://ghall.com.ua/2021/06/03/pravoslavnyj-vikiliks-samye-ekstsentrichniye-gore-religiovedy-ukrainy/>
10. Human Rights Watch. (2017, April 20). Russia: Court bans Jehovah’s Witnesses. <https://www.hrw.org/ru/news/2017/04/21/302591>

11. Java Films. Human harvest: China's illegal organ trade. Java Films.
<https://javafilms.fr/film/human-harvest-chinas-illegal-organ-trade/>
12. Jehovah's Witnesses. (2025). 2024 service year report of Jehovah's Witnesses worldwide: Country and territory reports. <https://www.jw.org/en/library/books/2024-Service-Year-Report-of-Jehovahs-Witnesses-Worldwide/2024-Country-and-Territory-Reports/>
13. Jehovah's Witnesses in Russia. (2024, 23 декабря). «Сажают меньше, но жестче». Репрессии против Свидетелей Иеговы: итоги 2024 года. <https://www.jw-russia.org/news/2024/12/230900.html>
14. NS.Writer. (2021, June 3). The sinful roots of the "Orthodox kykilix" 2 Crimes and truths of religious journalism. Exclusive. Newssky.com.ua.
<https://newssky.com.ua/en/grehovnye-korni-pravoslavnogo-vikiliksa-2-krivdy-i-pravdy-religioznoj-zhurnalistiki-eksklyuziv/>
15. Our World in Data. (2025). Human rights index, 2024 (V-Dem) [Data set]. Retrieved February 3, 2026, from <https://ourworldindata.org/grapher/human-rights-index-vdem?tab=chart&time=1937..latest&country=~RUS>
16. Panin, S. (2019). Alternative spiritualities in Russia during the conflict in Ukraine. In Religion during the Russian-Ukrainian conflict. Routledge.
17. Peabody Awards. (2015, May 31). Complete 74th annual Peabody Awards (May 31, 2015). Peabody Awards. <https://peabodyawards.com/stories/complete-74th-annual-peabody-awards-may-31-2015/>
18. Reporter UA. (2013, 28 февраля). В Запорожье проходит международный православный семинар. <https://reporter-ua.com/2013/02/28/v-zaporozhe-prohodit-mezhdunarodnyy-pravoslavnyy-seminar>
19. The Daily Mail. Campaigners issue warning and demand change in law to protect victims of soaring cults in Britain. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11042869/Campaigners-issue-warning-demand-change-law-protect-victims-soaring-cults-Britain.html>

20. United States Commission on International Religious Freedom. (2022). Russia backgrounder. <https://www.uscifr.gov/sites/default/files/2022-03/2022%20Russia%20Backgrounder.pdf>
21. U.S. Congress, House of Representatives. (2016). H. Res. 343: Expressing concern regarding persistent and credible reports of systematic, state-sanctioned organ harvesting... (114th Congress, 2015–2016). Congress.gov. <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-resolution/343>
22. U.S. Congress, House of Representatives. (2016). Text—H. Res. 343... (114th Congress, 2015–2016). Congress.gov. <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-resolution/343/text>
23. Азбука веры. Сектоведение: тоталитарные секты.
24. Бизнес Online. (2024, 5 июня). Главный сектовед РПЦ рассказал в Казани о пострадавших от псевдоправославных сект. <https://www.business-gazeta.ru/article/635797>
25. Газета.Ru. (2013, 30 августа). Александр Дворкин об устройстве сект в интервью. <https://www.gazeta.ru/social/2013/08/23/5603921.shtml>
26. Иваненко, С. И. О людях стойких в гонении. <https://ivanenko.online/book/%D0%BE-%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D1%8F%D1%85-%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%B2-%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8/>
27. Интерфакс. (2022, June 8). ЕСПЧ счел незаконным запрет «Свидетелей Иеговы» в России. <https://www.interfax.ru/russia/845283>
28. Интерфакс. Свидетели Иеговы — материалы по теме. <https://www.interfax.ru/tags/%D1%E2%E8%E4%E5%E2%E5%EB%E8+%C8%E5%E3%E2%FB>
29. Лебедева, О. (2021, 24 ноября). Йога дополнила список христианских грехов. Pravda.ru. https://www.pravda.ru/news/faith/1662773-pravoslavie_i_yoga/
30. Новая газета. (2024, 25 ноября). Свидетели умирают под следствием. <https://novayagazeta.ru/articles/2024/11/25/svideteli-umiraiut-pod-sledstviem>

31. Обуховский, Н. (2023, 12 ноября). OSINT-специалисты составили базу связанных с Россией деятелей УПЦ МП: среди них архиепископ Обуховский. Obukhiv.info. <https://obukhiv.info/ru/news/osint-fakhivtci-sklali-bazu-povyazanikh-z-rosieiu-diyachiv-uptc-mp-sered-nikh-arkhiiepiskop-obukhivskii/>
32. Общественное телевидение России. Александр Дворкин: Если «Свидетели Иеговы» не признают конституционный строй страны, почему государство должно освобождать их от уплаты налогов? <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/aleksandr-dvorkin-25929.html>
33. Православие.Ru. (2006, 13 марта). Александр Дворкин утверждает, что инструкция задержать его поступила «сверху». <https://pravoslavie.ru/16589.html>
34. Приход храма Благовещения Пресвятой Богородицы. (2021, 12 февраля). А. Дворкин: Свидетели Иеговы. <https://glubokoe-blag.cerkov.ru/2021/02/12/a-dvorkin-svideteli-iegovy/>
35. Радио Свобода. (2019, 1 апреля). [Материал о Свидетелях Иеговы / религиозной политике России]. <https://www.svoboda.org/a/29847876.html>
36. Радио Kurs. (2014, 23 мая). Образ российского сектоведа. <https://radiokurs.ru/17154-obraz-rossiyskogo-sektoveda.html>
37. Русская линия. (2003, 9 июня). Запорожский Центр «Диалог» пикетировал выступление сектанта и оккультиста С. Лазарева. <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=205400>
38. Русский вестник. (2003, 3 апреля). Секта Дворкина. <http://www.rv.ru/content.php3?id=810>
39. Советская Адыгея. (2019, 18 октября). Как не попасть в секту: разговор с Александром Дворкиным. <https://sovetskaya-adygeya.ru/2019/10/18/kak-ne-popast-v-sektu-razgovor-s-aleksandrom-dvorkinym/>